

Электронные тексты лекций по ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
для студентов 1 курса специальностей
1 – 23 01 12 – 01 «Музейное дело и охрана
историко-культурного наследия (история и музеология)»
1 – 23 01 12 – 04 «Музейное дело и охрана
историко-культурного наследия (культурное наследие и туризм)»

Лекция 1. Внутренняя политика самодержавия в 1801–1812 гг.

План

1. Разработка политического курса и программы реформ Александра I.
2. Реформы высших государственных органов. М.М. Сперанский и его программа политических реформ.
3. Политика правительства по крестьянскому вопросу.
4. Реформы в области просвещения и образования

1. Разработка политического курса и программы реформ Александра I.

Тираническое правление Павла I вызвало острое недовольство в кругах дворянства, интересы которого были сильно ущемлены: отменялся указ о вольности дворянства, на представителей «благородного сословия» распространялась воинская повинность и телесные наказания. К тому же в самом начале 1801 г. он пригласил из-за границы тринадцатилетнего племянника императрицы Марии Федоровны, своей второй супруги – Евгения Вюртембергского, которого Павел намеревался тайно сделать будущим русским императором. Павел резко изменил и свою внешнюю политику и замыслил даже поход против Англии, чтобы лишить ее колониальной жемчужины – Индии. Сумасбродства Павла достигли своей кульминации, и он подтолкнул к союзу как внутренних своих противников, так и внешних.

К середине 1800 г. против Павла возник заговор, который сначала возглавил вице-канцлер Н.П. Панин, а после его ссылки – петербургский военный губернатор П.А. Пален. Английское правительство в лице своего посла в России – Уитворта приняло участие в заговоре и способствовало свержению русского императора. В ночь на 12 марта 1801 г. группа гвардейских офицеров из числа заговорщиков проникла в Михайловский замок и покончила с Павлом. На престол вступил старший сын Павла Александр (1777–1825). Узнав о смерти отца, Александр, несмотря на то, что он был посвящен в заговор, едва не упал в обморок. Заговорщикам с трудом удалось уговорить его выйти на балкон Михайловского замка и объявить собравшимся войскам, что император умер и теперь все будет, как при Екатерине II. Войска с минуту молчали, затем дружно грянули: «Ура»! В обнаруженном Александром 12 марта 1801 г. Манифесте говорилось: «Судьбам всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-ое число сего месяца». Как вспоминал один из современников при известии о смерти Павла I «столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости, восторг выходил даже из пределов благопристойности». Дружный хор торжественных од приветствовал восшествие на престол Александра.

Личность Александра I всегда была загадкой для современников и исследователей. Очень непросто определить истинные воззрения этого крупного русского политического деятеля. Его обвиняли в двоедушии и называли византийским греком, северным Тальмой, сопоставляя со знаменитым французским актером. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», – писал о нем П.А. Вяземский. Разноречивые оценки личности Александра представлены и

в многочисленных его биографиях. В.О. Ключевский, характеризуя нового русского императора, подчеркивал: «Александрю вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой».

Когда в результате дворцового заговора был убит император Павел, Александрю еще не исполнилось 24 лет. Но характер его уже оформился. Он формировался при активном участии венценосной бабки – Екатерины II, которая сама подбирала для любимого внука воспитателей и сама же писала для них специальные наставления. Императрица приглашала лучших преподавателей, и в числе их был швейцарец Ф.Ц. Лагарп – высокообразованный, приверженец идей просвещения и республиканец по взглядам. Кстати, он приходился двоюродным братом известному деятелю французской революции Мюрату. Он знакомил своего воспитанника с понятием о «естественном» равенстве людей, беседовал с ним о преимуществе республиканской формы правления, о политической и гражданской свободе, о «всеобщем благе», к которому должен стремиться правитель. 27 сентября 1797 г. Александр I направил письмо своему воспитателю Ф. Лагарпу, где пишет не только о необходимости образования народного представительства и составлении свободной конституции, но и о том, что после этого «моя власть совершенно прекратилась бы и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь угол и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им». Еще до вступления на престол будущий царь под влиянием идей Просвещения и их интерпретации Лагарпом обсуждал с кружком «молодых друзей» принципы разумного государственного устройства – концепцию просвещенной монархии, ограниченной фундаментальными законами. Придя впоследствии к власти, он задался целью практического осуществления этой концепции.

Вместе с тем, Александр находился под влиянием отца Павла I, требовавшего от него беспрекословного повиновения. Распоряжения Павла часто отменялись Екатериной II. Необходимость лавировать между ними развила в Александре скрытность, недоверчивость к людям и осторожность. Обладая незаурядным умом, изысканными манерами он отличался способностью расположить к себе людей различных взглядов и убеждений, ловко пользоваться людскими слабостями. Современники отмечали и такие черты характера Александра, как упрямство, подозрительность, большое самолюбие, а исследователи его биографии усматривали в нем «странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами, прирожденного самовластия».

Участвуя под давлением обстоятельств в заговоре против отца, наследник был потрясен его убийством. Постепенно у Александра I развился гамлетовский комплекс, возникший под влиянием насильственной смерти Павла. Александра потрясло не только убийство отца, но и та легкость, с которой оно было совершено. Это заставило его всю жизнь сторониться Петербурга, в котором он чувствовал себя неуютно, ощущая давление высших бюрократических и гвардейских сфер. Одиночество императора и опасение за свою жизнь, в конце концов, превратили его в нервного и легко поддающегося внушению человека.

Как уже отмечалось, приход к власти Александра I был встречен с восторгом. Многие ждали от молодого императора освобождения от павловского гнета, возвращения к «заветам бабки», придания нового блеска великой империи. В Манифесте 12 марта 1801 г. он объявил, что будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей Екатерины Великия», тем самым, подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II, много сделавшей для расширения дворянских привилегий. Когда же Александр заявил о продолжении традиций своей великой бабки, то речь шла именно о курсе, но отнюдь не о внутренней симпатии Александра к Екатерине. Александр не был сторонником политической системы своей бабки и, более того, относился к ней враждебно. Екатерина очень бы

разочаровалась, узнав истинное отношение к себе любимого внука, в котором она души не чаяла и которому предсказывала великое будущее. В последнем она не ошиблась. Едва ли она могла бы надеяться на большее, чем то, чего достиг этот российский самодержец, ставший вершителем судеб многих стран и народов.

Воцарение Александра I ознаменовалось серией мер, отменявших те распоряжения Павла I, которые вызвали недовольство дворянства. Он начал с того, что восстановил отмененные Павлом I «Жалованные» грамоты 1785 г. дворянству и городам, дворянские выборные корпоративные органы – уездные и губернские собрания дворян, освободил дворян от телесных наказаний, введенных Павлом I. В самом начале правления Александр I упразднил наводившую ужас Тайную экспедицию, занимавшаяся сыском и расправой, и освободил содержащиеся в Петропавловской крепости узников. При этом было объявлено, что всякий преступник должен быть обвиняем, судим и наказываем «общей силою законов». Из ссылки были возвращены до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом чиновников и военных, объявлена амнистия всем бежавшим за границу от павловских репрессий. Были отменены и другие раздражавшие дворянство павловские указы, например, запрет носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы. В городах исчезли виселицы, к которым прибывали доски с именами опальных. Чиновникам запрещалось притеснять обывателей. Солдат освобождали от ношения ненавистных буклей, которые было приказано отрезать. Академии наук, которая издавала ведомости и публичные объявления, было запрещено принимать объявления о продаже крестьян без земли.

Большинство историков выделяют в царствовании Александра I два периода: до войны с Наполеоном 1812–1814 гг. (период подготовки реформ и стремление провести широкомасштабные преобразования либеральной направленности) и после победы, когда во внутренней и внешней политике стали преобладать консервативные тенденции.

Первые годы правления Александра I характеризовались борьбой в верхах вокруг проектов различных реформ политического и социально-экономического характера. В правящих кругах существовали различные группировки, каждая из которых имела свои варианты решения стоявших перед страной проблем. Характерной чертой александровского царствования становится борьба двух течений: либерального и консервативно-охранительного, лавирование императора между ними.

«Молодые друзья» императора образовав Негласный комитет, в рамках которого они обсуждали с императором важнейшие вопросы государственной жизни, выступали за отмену в будущем крепостного права и превращение России в перспективе в конституционную монархию. В связи с этим следует указать на довольно ограниченный характер интерпретации самого понятия конституции в данной традиции. Вот определение П.А. Строганова: «Конституция – это закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые непременно, поскольку они требуют видоизменений, объяснений и т. д., должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства». Таким образом, этот круг проектов не выходил за рамки представлений олигархического конституционализма XVIII в. В комитет входили П.А. Строганов, П.Н. Новосильцев и В.П. Кочубей, А.А. Чарторыйский. Граф П.А. Строганов – сын состоятельного екатерининского вельможи – был членом Якобинского клуба в Париже, поклонником Наполеона. Его двоюродный брат Н.Н. Новосильцев, напротив, был англоманом, он обладал энциклопедическими знаниями и выдающимися деловыми качествами. Граф В.П. Кочубей, уже в 30 лет занявший высокий пост вице-канцлера, был полезен Александру бюрократической опытностью. Польский князь А. Чарторыйский, хотя и, по словам современника «мыслил и действовал как заядлый поляк», был «благороден, бескорыстен и честнейших правил». Пятым членом Негласного комитета, формально не участвовавшим

Жихарев С.Б.

в заседаниях, стал Ф. Лагарп, вернувшийся в Россию в августе 1801 г. Негласный комитет не являлся официальным государственным учреждением. Заседания его проводились в комнатах императора в Зимнем дворце. Комитет не носил официального статуса государственного учреждения; но в первые годы царствования Александра имел значительный вес и в основных чертах определил программу преобразований.

Сановники екатерининского царствования (т.н. «екатерининские старики» Г.Р. Державин, Д.П. Троицкий, П.В. Завадовский) стремились усилить влияние вельможно-бюрократических верхов на управление империей. С этой целью они ратовали за расширение функций Сената, в частности – за предоставление ему возможности оказывать воздействие на законодательный процесс. «Екатерининские старики» были противниками каких-либо перемен в отношениях между крестьянами и помещиками.

За более широкие преобразования высказывались участники дворцового переворота, возглавлявшиеся бывшим фаворитом Екатерины II П.А. Зубовым. Они добивались превращения Сената в представительный орган дворянских верхов, наделяя его законосовещательными правами, чтобы поставить законодательную деятельность царя под контроль высшего дворянства. Эта группировка допускала возможность известного ограничения помещичьей власти над крестьянами, а в перспективе была готова к постепенной ликвидации крепостного права. Весь комплекс реформ не был осуществлен (за исключением отдельных мероприятий). Александр I отверг предложенные ему П.А. Зубовым, П.А. Паленом проекты, ограничивавшие самодержавие дворянско-олигархической конституцией. Вместо этого появился указ об учреждении Непременного совета – законосовещательного органа при государе. Первоначально в Совет вошли 12 человек, среди которых были руководители важнейших государственных учреждений. Члены Совета получили право подавать представления на императорские указы и обсуждать законопроекты. Однако утвержденный 3 апреля 1801 г. Наказ Непременному совету определил, что этот орган «не имеет никакого действия внешнего и силы, кроме силы соображения». Практическое значение Непременного совета было крайне невелико.

Наконец в среде высшей бюрократии имелось немало противников вообще любых перемен. Это была «партия» убежденных консерваторов, представленная такими именами, как А.С. Шишков, А.А. Беклешев, Д.П. Рунич. В сохранении существующих порядков они видели самую надежную гарантию общественной стабильности.

Основная масса дворянства была также настроена весьма консервативно. Она стремилась сохранить свои привилегии и, прежде всего – безграничную власть помещиков над крестьянами. Затишье, наступившее в деревне после подавления мощной волны крестьянских выступлений 1796–1797 гг., укрепляло уверенность подавляющего большинства дворянства в незыблемости существующего строя. Широкие слои помещиков негативно относились к любым попыткам ограничить свободу волеизъявления императора. В этой связи реформаторские планы, вынашивавшиеся различными представителями правящих кругов, не встречали сочувствия в дворянской массе. Слой просвещенных дворян, в которых Александр I видел опору своих реформаторских начинаний, был слишком малочисленным. Любые действия царя, затрагивавшие помещичьи привилегии, грозили новым дворцовым переворотом. Поэтому негласный комитет, действительно вынашивавший замыслы весьма смелых преобразований, не проводил тотчас их в жизнь, предпочитая внимательно изучить состояние дел в стране и проводя неотложные мероприятия. Именно «молодые друзья» отговорили Александра I обнародовать в день коронации 15 сентября 1801 г. «Жалованную грамоту российскому народу», Манифест по крестьянскому вопросу и Проект преобразования Сената, находя это несвоевременным. Спровоцировав определенные надежды у своих либеральных приверженцев, эти проекты были отвергнуты самодержавной властью. Манифест о коронации не содержал даже упоминания о предполагавшихся реформах.

2. Реформы высших государственных органов. М.М. Сперанский и

его программа политических реформ.

В сущности на бумаге остались планы преобразований, призванные внести существенные перемены в систему управления Российской империи. Александр I вынужден был считаться как с приверженностью основной массы дворян принципам самодержавия, так и с тем, что введение элементов дворянского представительства, при нежелании помещиков поступаться даже частью своих привилегий, затруднило бы проведение в жизнь мероприятий, противоречащих интересам первого сословия империи. В результате дело ограничилось лишь актами, совершенствовавшими организацию бюрократического аппарата. Правда, 8 сентября 1802 г. появился указ о правах Сената, в какой-то мере учитывавший олигархические настроения «екатерининских стариков». Сенат получил возможность делать царю представления относительно указов в тех случаях, если последние противоречили действующим законам или создавали какие-либо затруднения. Однако первая же попытка сенаторов возразить против царского указа 1803 г. о введении обязательной 12-летней службы дворян, не достигших офицерского чина (указ противоречил «Жалованной грамоте дворянству») вызвала резкое недовольство императора, а Сенату было «разъяснено», что он может делать возражения лишь по ранее изданным законам, а не по настоящим и будущим. В итоге Сенат лишился предоставленной ему чрезвычайно скромной возможности следить за законностью действий верховной власти.

В 1802–1811 гг., в два этапа, была проведена министерская реформа. Этот акт в известной степени юридически оформлял наметившийся еще в XVIII в. процесс постепенного вытеснения коллегиальных начал в центральном управлении, введенных Петром I, принципами единоначалия. Усложнение задач, стоявших перед самодержавием, по мере того как общественный прогресс менял жизнь страны, требовало повышения гибкости и оперативности в работе бюрократической машины. Коллежская система управления с ее медлительным делопроизводством не отвечала требованиям времени. Издание этого Манифеста подготавливало почву для замены коллегий министерствами, в которых вся власть сосредоточивалась в руках одного лица - министра, назначавшегося царем и отвечавшего за свои действия только перед монархом. Сами коллегии первоначально не были ликвидированы. Они вошли в состав соответствующих министерств и продолжали заниматься решением текущих вопросов государственного управления.

Манифестом 8 сентября 1802 г. учреждалось 8 министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, иностранных дел (до 1832 г. оно еще сохраняло свое название Коллегия иностранных дел), юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. В отличие от коллегий министерства управлялись единолично министром, назначаемым императором и лично перед ним ответственным.

Учреждение министерств знаменовало собой дальнейшую бюрократизацию управления и усовершенствование центрального аппарата управления. Каждый министр имел заместителя (товарища министра) и канцелярию. Министерства подразделялись на департаменты, возглавляемые директорами, департаменты – на отделения во главе с начальниками отделений, а отделения – на столы во главе со столоначальниками. Для совместного обсуждения дел учреждался Комитет министров. Первыми министрами и товарищами министров были назначены как представители старой, екатерининской, знати (Г.Р. Державин, П.С. Мордвинов, П.В. Завадовский и др.), так и новой, в том числе «молодые друзья» Александра I (П.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей, А. Чарторыйский, С.М. Воронцов, П.Л. Стrogанов).

Первоначально структура и функции министерств еще не были четко определены. Они были подробно разработаны в утвержденном царем 25 июня 1811 г. «Общем учреждении министерств», которое знаменовало собой завершение министерской реформы. К этому времени число министерств увеличилось до двенадцати. Были добавлены Министерство полиции и приравненные к министерствам Государственное

казначейство, Главное управление духовных дел разных исповеданий (не входивших в ведение Святейшего Синода), Главное управление ревизии государственных счетов и Главное управление путей сообщения (в 1865 г. преобразованное в Министерство путей сообщения). Упразднилось Министерство коммерции – его функции передавались Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов. Все министры (по должности) входили в состав Сената. Закон устанавливал точное разграничение функций каждого министерства, единые принципы их структуры и общий порядок прохождения дел в них, проводил принцип строгого единоначалия и подчиненности внутри министерских подразделений, определял взаимоотношения министерств с другими органами государственного управления. При министре создавались канцелярия во главе с директором «для рассмотрения дел, требующих по важности их общего соображения, до всех департаментов относящихся», и Совет министра, в состав которого входили все директора департаментов. При необходимости в Совет министра приглашались в качестве экспертов ученые, инженеры, Заводчики, купцы.

В каждом департаменте из начальников отделений составлялось общее присутствие. Департаменты представляли министру ежемесячные ведомости о решенных и нерешенных делах. Кроме того, министр мог в любое время провести проверку вверенных ему структурных подразделений. Власть министра была «единственно исполнительная». Он не мог вводить даже по своему ведомству «никакой новый закон, никакое свое учреждение» и не имел права отменять «прежние». В своих действиях он был подчинен только императору и только перед ним был ответственен. Если распоряжения министра противоречили актам, утвержденным императором, то чиновники министерства были обязаны сообщить о том в Сенат, но для привлечения министра к ответственности требовалась санкция императора. Затем специальная комиссия проводила следствие, по результатам которого министр мог быть отрешен от должности императором. Министр подлежал ответственности, если он отменял или что-либо делал в ущерб уставам и учреждениям, предписанным законом, или своим действием принимал такую меру, «которая требует нового закона или постановления».

Новый виток реформаторской активности Александра I связан с именем выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского (1772–1839). Историческая значимость того, что сделал Сперанский, определяется не только разработкой далеко идущих планов государственного преобразования России, но и его многогранной деятельностью политика-практика, талантливого администратора, а также кодификатора законов и теоретика права.

Выходец из семьи бедного сельского священника Владимирской губернии, Сперанский, благодаря своему выдающемуся уму, энциклопедической эрудиции, энергии и необычайной работоспособности, быстро сделал блестящую служебную карьеру. Службу он начал еще при Павле I в должности начальника канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина. В 1803 г. Сперанский уже директор одного из департаментов Министерства внутренних дел, которым управлял тогда В.П. Кочубей. Поворот в дальнейшей карьере Сперанского произошел в связи со следующим событием. В конце 1806 г. Кочубей, будучи больным, вместо себя с докладом по министерству послал к императору Сперанского. Доклад произвел самое благоприятное впечатление на Александра I, который был изумлен его ясностью и изяществом стиля, а после беседы со Сперанским сразу оценил его незаурядный ум. Сначала Александр приблизил к себе Сперанского как «делового секретаря», а затем сделал его своим ближайшим помощником – стал давать ему и более важные поручения, брать с собой в частые поездки. 1808–1811 годы – время могущества и славы Сперанского, который в это время был фактически вторым, после императора, лицом в государстве, вершителем внутренней политики и автором многих задуманных или проведенных преобразований. Он назначается членом Комиссии для составления законов, товарищем министра юстиции, входит в состав многочисленных комитетов, учреждавшихся по разным вопросам. Все современники

Жихарев С.Б.

Сперанского единодушно свидетельствуют, что никто не мог, как он, с таким блеском и строгой логикой написать доклад или проект, оформить текст закона. Все важнейшие тексты законов за пятилетие (1807–1812) были составлены или отредактированы Сперанским.

В конце сентября 1808 г. Александр I, отправляясь на встречу с Наполеоном в г. Эрфурт, взял с собой Сперанского. Здесь Сперанский имел несколько «приватных» бесед с Наполеоном и его министром иностранных дел Ш. Талейраном. По свидетельству сопровождавшего Наполеона герцога Г. Бассано, Наполеон, восхищенный умом Сперанского, обратившись к российскому императору, сказал: «Какого человека вы имеете при себе! Я отдал бы за него любое королевство!» После Наполеон отзывался о Сперанском как о «единственно светлой личности» в России.

По возвращении из Эрфурта Сперанский становится наиболее приближенным к императору лицом. Александр проводил с ним целые вечера в чтении и обсуждении проектов и записок по разным вопросам, составленных ранее либо самим Сперанским, либо представленных другими лицами: об устройстве администрации, совершенствовании законодательства и даже «о предметах научных и религиозных». Все сразу заметили возросшее могущество и влияние Сперанского, что возбуждало зависть, а затем и ненависть придворной камарильи к этому «поповичу».

В декабре 1808 г. Александр I поручил ему составление Плана государственного преобразования России. Сперанский принялся за разработку преобразования проекта с присущими ему энергией и обстоятельностью, веря в возможность осуществления разрабатываемой им реформы. Он весь ушел в дело, отдавая ему всю силу своего ума. Александр передал ему все материалы Негласного комитета, проекты и записки, поступившие в Комиссию составления государственных законов. Сам Сперанский, по его свидетельству, «изучил все существующие в мире конституции» и ежедневно встречался с императором, с которым обсуждал каждый параграф плана.

План реформ был представлен в виде большого документа, носившего название «Введение к уложению государственных законов». Необходимость преобразований Сперанский обосновывал потребностью разрешить противоречия между уровнем социального и экономического развития России и устаревшей самодержавной формой правления. Необходимо «облечь» самодержавие конституцией, осуществить принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную и приступить к поэтапной отмене крепостного права. Исходя из того, что Россия идет по тому же пути, что и Западная Европа, Сперанский фактически предлагал реформировать российскую государственность на европейских началах. Хотя его проект политических реформ не был реализован, но по замыслу, масштабам и главное – по степени разработанности и радикальности предлагавшихся изменений не имел себе равных. Это была смелая попытка сформулировать положения, которые шли в направлении перехода от абсолютистской монархии к монархии, ограниченной фундаментальными законами.

По проекту Сперанского принцип разделения властей должен был стать основой государственного устройства России. Предполагалось создать Государственную думу в качестве законосовещательного органа. Исполнительную власть сосредоточить в министерствах, а высшим органом судебной власти сделать Сенат. Государственная дума ограничивала самодержавную власть, так как ни один закон не мог быть издан без ее одобрения. Она полностью контролировала деятельность министров, могла делать представления верховной власти о нарушениях основных законов. Кроме Государственной думы избирались волостные, окружные и губернские думы. За императором оставалось право распустить Думу и назначить новые выборы. Губернские думы избирали высшую судебную инстанцию – Сенат. Вершиной государственной системы, связующим звеном между императором и законодательной, судебной и исполнительной властью должен был стать Государственный совет – совещательный орган при государе. Члены Совета назначались императором, кроме того, в него входили

министры и другие высшие должностные лица. Император сохранял всю полноту исполнительной власти, обладал исключительным правом законодательной инициативы, утверждал новые законы, надзирал за их исполнением в судопроизводстве.

Все население России, по плану М.М. Сперанского, делилось на три сословия: дворянство, «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (крепостные крестьяне, мастеровые, прислуга). Все сословия получали гражданские права, а два первых – политические. Из сословия «народа рабочего» можно было перейти в «среднее состояние», приобретя недвижимость. Сперанский предлагал осуществить реформу в несколько этапов, не объявляя сразу о конечных целях преобразований, и завершить ее к 1811 г.

Учреждение Государственного Совета 1 января 1810 г. в качестве высшего законосовещательного учреждения при императоре свидетельствовало о начале реализации этого плана. В функции Государственного совета входили обсуждение внесенных в него законопроектов, «толкование» смысла уже изданных законов, принятие мер к их проведению в жизнь через исполнительные органы власти, распределение по министерствам и ведомствам расходов на их содержание, рассмотрение годовых отчетов министров. Государственный совет состоял из четырех департаментов: 1) департамента законов, рассматривавшего общегосударственные законопроекты, 2) гражданских и духовных дел, ведавшего вопросами юстиции, полиции и духовного ведомства, 3) государственной экономии, в ведении которого находились вопросы финансов, промышленности, торговли и наук, и 4) военного. При Государственном совете существовали Комиссия составления законов и Комиссия прошений. Для организации деятельности Государственного совета учреждалась Государственная канцелярия во главе с государственным секретарем – им был назначен Сперанский. Окончательное обсуждение законов проходило в Общем собрании Государственного совета – объединенном заседании департаментов. Законы вступали в силу только после утверждения их императором. При этом он мог учесть мнение как большинства, так и меньшинства Совета, мог принять собственное решение. В состав Государственного совета входили все министры (по их должности), а также назначаемые пожизненно императором лица из высших сановников. Во главе Государственного совета стоял назначаемый императором председатель, он же одновременно являлся и председателем Комитета министров. Если император присутствовал на заседании Государственного совета, то занимал место его председателя. Первоначально Государственный совет состоял из 25 членов, в 1825 г. – из 36, в конце XIX в. в нем числилось свыше 70 членов. Учреждением в 1810 г. Государственного совета и преобразованием в 1811 г. министерств завершилась реорганизация органов центрального управления, которые с некоторыми изменениями просуществовали вплоть до 1917 г.

Большое практическое значение из всей обширной программы задуманных преобразований имела финансовая реформа, разработанная Сперанским и проведенная через Государственный совет в первые месяцы 1810 г. Из-за почти непрерывных войн, которые вела Россия начиная с 1804 г., резко возросли военные расходы, а присоединение к континентальной блокаде Англии усугубило расстройство финансовой системы, находившейся в состоянии кризиса. Дефицит в бюджете возрос в четыре раза, ценность ассигнационного рубля по отношению к серебряному за 1804–1810 гг. упала с 80 до 25 коп.

Оздоровление финансовой системы было поручено Сперанскому. Он привлек к разработке плана финансовых реформ Я.С. Мордвинова и ряд профессоров – знатоков финансового дела. В первую очередь были изысканы пути сокращения государственных расходов. Затем были повышены прямые и косвенные налоги: удвоены размеры подушной подати с крестьян, утроены – с мещан; увеличены гильдейские сборы с купцов и за свидетельства па право торговли «торгующих крестьян»; повышены «питейные сборы», в 2,5 раза поднята цена на соль; увеличены пошлины на паспорта, гербовую

бумагу, почтовые услуги; в Москве и Петербурге была введена пошлина на недвижимость. Было принято решение выпустить внутренний заем и приступить к продаже части казенных земель. Наконец Сперанский пошел на введение налога на помещичьи имения в размере 50 коп. с каждой ревизской души. Все эти меры позволили в течение 1810–1811 гг. увеличить государственный доход более чем вдвое и устранить угрозу финансового банкротства.

Однако даже эти меры вызвали в консервативной «партии» самый настоящий переполох. Он передан в записках одного из крайне правых деятелей – Д.П. Рунича, писавшего: «Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право, и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебейм. Недовольство высшего сословия было всеобщее». Противодействие вызвали не только реформы М.М. Сперанского в управлении и финансовые меры, но и ущемлявшие дворянство указы от 3 апреля и 6 августа 1809 г. о «придворных чинах» и об «экзаменах па чин», изданные по инициативе реформатора. Согласно первому указу, находившиеся в званиях камер-юнкера и камергера обязаны были избрать себе определенный род службы, в противном случае их звания объявлялись лишь почетными отличиями, не дававшими никакого чина. Второй указ в целях повышения грамотности и профессионального уровня чиновников требовал, чтобы чины коллежского асессора и статского советника (первый давал личное, а второй потомственное дворянство) присваивались только при предъявлении диплома об университетском образовании или сдаче экзамена в объеме университетского курса.

Особенную ненависть при дворе вызывала сама личность реформатора-простолюдина, он стал объектом интриг и доносов. Идеино-теоретическим обоснованием оппозиции Сперанскому стала составленная выдающимся русским историком Н.М. Карамзиным «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», которая была вручена императору его сестрой Екатериной Павловной в марте 1811 г. Карамзин провозглашал самодержавие неперемным условием могущества и процветания России. Подвергая резкой критике все нововведения Сперанского историк утверждал, что «всякая новость в государственном порядке есть зло, поэтому стране нужны не реформы, а «патриархальная власть».

В итоге в 1812 г. Сперанский был обвинен в шпионаже в пользу Наполеона и выслан в Нижний Новгород. Востребован на государственной службе М.М. Сперанский будет в 1814 г., а в Петербург вернется только в 1821 г.

Таким образом, попытки реализации широкой программы либеральных реформ потерпели крах. Высшая бюрократия и основная масса дворянства не были заинтересованы в системных реформах.

3. Политика правительства по крестьянскому вопросу.

Наибольшее внимание к XIX в. царское правительство уделяло аграрному вопросу, в частности, проблеме отмены крепостного права. Александр I осуждал крепостное право с морально-этических позиций, но он не был сторонником решительных действий, а надеялся, что цель будет достигнута путем медленных и осторожных мер. Став императором, Александр сразу же прекратил раздачу государственных крестьян в частную собственность. Во время его коронации в сентябре 1801 г. не последовало таких раздач, которые ранее обыкновенно проводились при коронациях императоров. Однако это отнюдь не означало, что казенные крестьяне были гарантированы от перевода их на положение крепостных. В 1810–1817 гг. в связи с тяжелым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тыс. мужского пола казенных крестьян. В Белоруссии и на Правобережной Украине практиковалась сдача их в аренду частным лицам. Казенных крестьян закрепощали и другими путями: например, переводили в удельное ведомство, приписывали к казенным фабрикам и заводам, наконец, обращали в военных поселян.

Жихарев С.Б.

Указ от 12 декабря 1801 г. предоставил купцам, мещанам, духовенству и всем крестьянам, кроме помещичьих и удельных право покупать незаселенные свободные земли. Тем самым была нарушена монополия дворянства на землю, несколько расширены возможности для предпринимательства. В 1801 г. вышел указ о запрещении печатать объявления о продаже дворовых. Сама же практика их продажи не запрещалась; только в публикуемых объявлениях сообщалось, что такой-то не «продается», а «отдается внаймы».

Александр I также откликнулся на инициативу графа С.П. Румянцева – разрешить помещикам освобождать крестьян за выкуп, но не поодиночке, как это было ранее, а целыми селениями с наделением их достаточным количеством земли за выкуп по договоренности сторон. В феврале 1803 г. по этому поводу был издан указ о «вольных хлебопашцах». Реальные результаты указа 1803 г. были незначительными: за время царствования Александра I было заключено 160 сделок, по которым выкупились на волю 47 тыс. душ мужского пола крестьян (менее 0,5%). Всего же за время действия указа (до 1858 г.) выкупилось 152 тыс. душ (около 1,5%). Причина этого заключалась не только в нежелании многих помещиков предоставить крестьянам свободу даже за выкуп, но из-за тяжелых финансовых условий выкупа: цена выкупа одной души мужского пола в то время составляла около 400 руб. ассигнациями (100 руб. серебром), т. е. 15–20 годовых оброков. Насколько велика была эта цифра, показывает и тот факт, что стоимость помещичьих имений (с землей и постройками), разложенная на число крепостных душ, не превышала 200–300 рублей на душу. Обычно получившие свободу на основании этого указа были не в состоянии внести сразу всю выкупную сумму, и договоры об отпуске на волю содержали кабальные условия: рассрочка выкупа под высокие проценты, отработки и пр. В указе также говорилось: «Если крестьянин или целое селение не исполнит своих обязательств, то возвращается помещику с землей и семейством по-прежнему». Неудача с указом о свободных хлебопашцах наглядно продемонстрировала, что в разрешении крестьянского вопроса, нельзя опираться только на моральные мотивы. В обеспечении таких поворотов более реалистичны экономические соображения и продуманные политические решения.

В 1804–1805 гг. был проведен первый этап аграрной реформы в Остзейском крае – в Латвии и Эстонии. 20 февраля 1804 г. было издано Положение о лифляндских крестьянах, распространенное в 1805 г. и на Эстонию. В соответствии с правилами 20 февраля 1804 г.: 1) воспрещалось продавать и закладывать крестьян без земли; 2) предоставлялись крестьянам личные гражданские права, вводилось крестьянское самоуправление наследственных владельцев их земельных участков, которые они могли потерять лишь по приговору суда (за неисполнение своих обязанностей перед помещиком или за расточительство); 4) вводилось ограничение барщины двумя днями в неделю; 5) устанавливалось, что в оброчных имениях денежные повинности не могли увеличиваться произвольно самими помещиками, отрезки же от земельных участков крестьян могли производиться лишь за особое вознаграждение; 6) дворовые рабочие и батраки оставались под дисциплинарной властью помещиков, но крестьяне могли наказываться только по приговорам крестьянских судов. Таким образом, крестьяне-«дворохозяева» объявлялись пожизненными и наследственными держателями своих земельных наделов, за которые они обязаны были отбывать владельцу земли барщину или оброк. Ограничивалась власть помещика над крестьянами. «Положение» не распространялось на безземельных крестьян («батраков»).

4. Реформы в области просвещения и образования.

В 1803–1804 гг. была проведена реформа народного образования. Согласно указу 16 января 1803 г. «Об устройстве училищ» в основу системы образования были положены принципы бессловности, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ с тем, чтобы окончивший низшую ступень мог

беспрепятственно поступить в высшую. Низшей, первой ступенью являлось одноклассное приходское училище, второй – уездное трехклассное училище, третьей – шестиклассная гимназия в губернском городе. Высшей ступенью был университет. Было образовано шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, которых назначал император. Однако попечитель выполнял лишь функции надзора и контроля над учебными заведениями во вверенном ему округе. По существу же всем учебным процессом в округах ведали университеты: они разрабатывали учебные программы и выпускали учебники, имели право назначать учителей в гимназии и училища своих округов.

Указ 1803 г. предусматривал также и меру, стимулирующую получение образования. Один из пунктов указа гласил, что по истечении пяти лет после издания указа «никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище».

Помимо основанного в 1755 г. Московского университета в первые годы XIX в. были созданы еще пять. В 1802 г начался учебный процесс в Дерптском (ныне Гартуский) университете. Он отличался от остальных университетов всем статусом своей жизни. Лекции в нем читали (за немногими исключениями) немецкие профессора, на немецком или латинском языке, делопроизводство велось на немецком. С 1810 г. в Дерптском университете преподавал и плодотворно изучал русскую историю один из основоположников критического направления в российской историографии И.-Ф.-Г. Эверс. Среди студентов преобладали прибалтийские немцы, хотя вместе с ними училось немало русских и представителей местных национальностей Прибалтики. Студенческий быт более напоминал немецкие, нежели русские университеты. В 1803 г. на базе Главной Виленской гимназии был основан Виленский, а в 1804–1805 гг. также на базе гимназий – Казанский и Харьковский университеты. В 1804 г. был основан Петербургский педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет.

Изданный 5 ноября 1804 г. Университетский устав предоставлял университетам значительную автономию: выборность ректора и профессуры, собственный суд, невмешательство высшей администрации в дела университетов, право университетов назначать учителей в гимназии и училища своего округа.

Университеты имели четыре отделения (факультета): 1) нравственных и политических наук (богословие, правоведение, философия, политэкономия), 2) физических и математических наук (математика, астрономия, физика, химия, минералогия, ботаника, агрономия), 3) врачебных и медицинских наук (анатомия и врачебное дело, ветеринария) и 4) словесных наук (классическая и современная филология, российская и всеобщая история, археология, статистика и география). В Петербургском педагогическом институте, приравненном к университетам, вместо медицинского было создано восточное отделение. При университетах учреждались пансионы для подготовки к поступлению в университет лиц, получивших домашнее образование или же окончивших уездные училища. Университеты готовили преподавателей гимназий, кадры чиновников для гражданской службы, специалистов-медиков. Наиболее способных из числа окончивших университеты оставляли «для подготовки к профессорскому званию».

Вначале при недостатке преподавательских кадров, особенно в университетах, основанных на базе гимназий, обязанности профессоров выполняли учителя этих гимназий. В крупные университеты (например, в Московский) приглашались иностранные ученые, преимущественно профессора из немецких университетов. Большинство их были преданы науке, честно служили России, которая стала для них второй родиной.

К университетам приравнивались привилегированные средние учебные заведения гуманитарного профиля – лицеи: открытый на средства заводчика А.П. Демидова в 1805 г. в Ярославле Демидовский лицей, в 1809 г. – Ришельевский в Одессе и в 1811 г. – Царскосельский. В 1810 г. были основаны Институт инженеров путей сообщения в

Жихарев С.Б.

Петербурге и в 1804 г. Московское коммерческое училище – так было положено начало высшему специальному образованию (до этого существовали основанная в 1757 г. Императорская Академия художеств в Петербурге и открытый там же в 1773 г. Горный институт). Была расширена система военного образования, преимущественно через кадетские корпуса – закрытые средние военные учебные заведения для детей дворян.

О внимании со стороны государства к просвещению и образованию свидетельствуют цифры казенных ассигнований на нужды образования. Если при Екатерине самая крупная субсидия в этой области достигала 780 тыс. руб. в год, то в 1804 г. на нужды образования было отпущено 2800 тыс. руб. По сметам 1803–1806 гг., правительство Александра I ассигновало средства на все шесть высших учебных заведений. При этом на каждый университет отпускалось по 130 тыс. руб., на каждую из 42 гимназий (не считая Виленского и Дерптского округов) – по 5,5–6,5 тыс. руб. и на каждое уездное училище – от 1250 до 1600 руб. (всего уездных училищ было 405).

9 июля 1804 г. был издан Устав о цензуре, который считается самым «либеральным» в России XIX в. Цензуру проводили цензурные комитеты при университетах из профессоров и магистров. Общее руководство цензурными комитетами осуществляло Министерство народного просвещения. Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением, удаляясь [от] всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо причинам кажутся подлежащими запрещению; когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». Авторы и издатели получали право обжалования действий цензоров в Главном управлении училищ при Министерстве народного просвещения.

Цензурные послабления в первые годы царствования Александра I способствовали расширению издательской деятельности. Появился ряд новых журналов и литературных альманахов, увеличилось издание переводов иностранной литературы. По инициативе самого Александра I за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных западноевропейских просветителей – философ, юристов, экономистов. Например, в 1802–1806 гг. был сделан первый перевод знаменитой книги А. Смита «О богатстве народов» (на английском языке она была издана еще в 1776 г.). Причем идеи Смита пользовались значительной популярностью как в образованном обществе, так и в правительственных сферах. Однако вскоре последовали изменения в цензурной практике в сторону ужесточения. С учреждением в 1810 г. Министерства полиции на него были возложены некоторые цензурные функции и контроль за цензурными учреждениями.

Литература к лекции

Учебная

1. История России. XIX век: Учеб. для высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001. – Ч.1. – 256 с.
2. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. / А.А. Корнилов; Вступ. ст. А.А. Левандовского. – М.: Астрель, 2004. – 862 с.

Источники

1. Федоров В.А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Первая половина XIX века. Учеб. пособие. – М., Высш. школа, 1974.
2. Хрестоматия по истории СССР: В 2-х т. / С.С. Дмитриев. М.В. Нечкина. – М.: Гос. уч.–пед. изд. Мин. Просвещ. РСФСР, 1953. – Т.2 (1682–1856). – 960с.

Жихарев С.Б.

Исследования

1. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.
2. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989.
4. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. – Л., 1988.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Лекция 2. Внутренняя политика российского правительства в 1815–1825 гг.

План

1. Политика “правительственного конституционализма”
2. Аграрно-крестьянский вопрос в правительственной политике
3. Усиление военно-административных элементов во внутренней политике. Аракчеевщина
4. Реакционный политический курс Александра I

1. Политика “правительственного конституционализма”.

Последнее десятилетие царствования Александра I принято считать временем поворота к реакции, именуемой аракчеевщиной. Однако политический курс Александра I в те годы носил противоречивый характер. Примерно до 1819–1820 гг. продолжался период исканий, борьбы и балансирования между консерватизмом и либерализмом. Наряду с проведением ряда реакционных мер продолжали разрабатываться планы преобразований, просвещение и печать пока еще не подвергались тем суровым гонениям, какие начались позднее – в последнее пятилетие царствования Александра. Следующий период, который можно датировать 1820–1825 гг. – время решительного поворота к консерватизму и даже к реакции.

После включения Царства Польского в состав России русские конституционные проблемы оказались тесно переплетены с польским вопросом. Инициативы российской стороны о включении Герцогства Варшавского полностью в состав России и об установлении на ее территории конституционного правления встретили сопротивление Австрии, Франции и особенно Англии. Этот спор завершился компромиссом. 21 апреля 1815 г. в Вене был подписан трактат между Россией, Австрией и Пруссией, определивший новое положение Польши. В соответствии с документом большая часть Польши досталась России (Царство Польское). Таким образом было санкционировано намерение Александра I создать в составе России конституционное государство.

Осенью 1815 г. Александр возвращаясь обратно в Россию из путешествия по Европе, остановился в Варшаве, где по его поручению велась интенсивная работа над текстом конституции Царства Польского. 15 ноября 1815 г. российский император утвердил Конституцию Царства (Королевства) Польского. По этой конституции Александр I становился королем польским. Польская корона объявлялась наследственной для российских императоров, но власть их на территории Польши ограничивалась конституцией. Управление Польшей вверялось наместнику царя, каковым Александр I назначил абсолютно лояльного российскому престолу генерала из старинного польского рода Иосифа Зайончека. Но фактическим наместником стал брат царя великий князь Константин Павлович, назначенный главнокомандующим польскими вооруженными силами. Высшую законодательную власть осуществлял выборный Сейм, собиравшийся на свои сессии один раз в два года на 30 дней, а между сессиями – Государственный совет, действовавший постоянно. Сейм состоял из двух палат – Сената и Посольской палаты. Сенаторы пожизненно назначались монархом. Ими могли быть представители царской фамилии, высшее духовенство, крупные землевладельцы. Посольская палата состояла из 128 депутатов, из которых 77 выбиралось дворянами (на 6 лет) на шляхетских сеймиках, а 51 – на гминных (волостных) собраниях. Избирательные права получали все дворяне, достигшие 21 года и обладавшие недвижимой собственностью, а также прочие владельцы недвижимости, фабриканты, хозяева мастерских, профессора, учителя и т.д. Избирательная система оставалась сословной, а избирательных прав были лишены крестьяне (уже лично свободные). Не смотря на это, процедура выборов в Царстве Польском носила более прогрессивный характер чем в Англии и Франции. Так, если во Франции в 1815 г. избирательные права получило 80 тыс. человек, то в Польше при

населении, в несколько раз меньшем по численности, чем население Франции этими правами обладало 100 тыс. человек.

Все государственные должности замещались только поляками, и официальные акты составлялись на польском языке. Объявлялись неприкосновенность личности и жилища, свобода печати; господствующей религией являлся католицизм, но гарантировалась свобода вероисповедания и другим конфессиям. Вводился равный для всех сословий суд, при независимости и несменяемости судей и с гласным судопроизводством. В составе российских вооруженных сил создавался Польский корпус под командованием наместника царя.

Александр I рассматривал это конституционное устройство как первый шаг на пути к конституции в России. В речи произнесенной императором по-французски 15 (27) марта 1818 г. по случаю открытия общепольского сейма было публично заявлено о его намерении следовать путем конституционных реформ и в других частях империи. Кроме того, из уст самого Александра I прозвучало о его желании распространить действие «законно-свободных учреждений» на все подвластное население. В среде поместного дворянства заявления Александра I были истолкованы как близящееся освобождение крестьян. Закрывая сейм 15 апреля 1818 император заявил, что высоко ценит «независимость мнений» избранников Сейма, ибо «свободно избранные должны и рассуждать свободно». Варшавские речи Александра I, напечатанные и комментированные в русских журналах, произвели сильное впечатление на прогрессивных людей России, внушив им надежды на конституционные намерения царя.

В том же году Александр I дал министру юстиции П.П. Новосильцеву секретное поручение подготовить «Государственную уставную грамоту Российской империи» в духе принципов польской конституции 1815 г. К 1820 г. текст Грамоты был готов и одобрен царем. Проект «Государственной уставной грамоты» в случае его практической реализации заметно продвинул бы модернизацию государственного устройства Российской империи, так как здесь проводились идеи политической свободы, представительного правления и буржуазного федерализма. Однако слово «конституция» в этом проекте не упоминается. Прежде всего потому, что конституцией как таковой, то есть основным законом страны, законом выше монарха, она не являлась. Не являлась, поскольку не провозглашала суверенитет народа, который подменялся в этом проекте суверенитетом императорской власти. В 12-ой статье проекта провозглашалось: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». Таким образом, «Государственная уставная грамота Российской империи» не ограничивала самодержавной власти царя и не меняла сословную структуру общества. Был составлен высочайший манифест, долженствующий возвестить о предстоящем обнародовании этого документа, но из-за революционных событий в 1820 г. в Европе это намерение Александра I было отложено.

2. Аграрно-крестьянский вопрос в правительственной политике.

В 1816–1820 гг. проводились меры по решению крестьянского вопроса. В 1816 г. было завершено проведение крестьянской реформы в Латвии и Эстонии, начало которой было положено в 1804–1805 гг. Стимулом к практическим действиям послужила инициатива эстляндских дворян, заявивших в начале 1816 г. о готовности освободить крепостных. Пальма первенства в решении крестьянского вопроса принадлежала прибалтийским губерниям неслучайно. Этот регион коренным образом отличался от российских губерний. Здесь заметно выше был уровень товарно-денежных отношений, помещики осознавали экономическую невыгодность сохранения крепостного права, а закон 1804 г. четко определял повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли.

23 мая 1816 г. Александр I подписал «Положение об эстляндских крестьянах». Это был первый в русской истории официальный документ, где уничтожалось крепостное

Жихарев С.Б.

право. Крестьяне получили личную свободу, но без земли, которая провозглашалась собственностью помещиков. Крестьянам предоставлялось право владения земельными наделами на условиях аренды, но они получали возможность в перспективе приобрести их в собственность посредством выкупа у помещика. Устанавливался 14-летний переходный период, в течение которого помещик в значительной мере сохранял свою власть над крестьянами. Аналогичные условия освобождения были определены и «Положением о лифляндских крестьянах», принятым 26 марта 1819 г.

В 1818–1819 гг. самодержавие пыталось выработать цельную и всеобъемлющую программу реформ крепостных отношений. Исполнителями поручения императора становятся канцелярия А.А. Аракчеева и Министерство финансов. В феврале 1818 г. «ведомство временщика» завершило работу над проектом, предусматривавшим постепенный выкуп помещичьих крестьян, которые освобождались с землей (по две десятины на душу), отдаваемой им на правах аренды. Сами крестьяне объявлялись государственными. Позже они могли выкупить свои наделы у помещиков. Сами дворяне получали за крестьян денежную компенсацию, которая могла помочь им поднять хозяйство и избавиться от долгов. Для этой цели предполагалось ассигновать ежегодно 5 млн. руб. или выпускать специальные казначейские билеты, приносящие проценты. Осуществление проекта А.А. Аракчеева потребовало бы крайне много времени. Если оценить в среднем по России стоимость одной души в 100 рублей ассигнациями, то на 5 млн. рублей в год можно выкупить не более 50 тыс. крепостных душ. Теперь нетрудно посчитать, что крепостные крестьяне в России получили бы свободу не ранее чем в 2018 году.

Свои проекты освобождения крестьян в России предлагали Д.А. Гурьев, Н.И. Тургенев и др. Неудачей закончилась попытка подтолкнуть к отмене крепостного права дворянство двух малороссийских губерний (Полтавской и Черниговской). Один за другим учреждались секретные комитеты по крестьянскому вопросу, деятельность которых была безрезультатной.

3. Усиление военно-административных элементов во внутренней политике.

Аракчеевщина.

Среди реакционных мер послевоенного пятилетия наиболее жестокой явилось учреждение военных поселений. Это было вызвано поисками новых форм комплектования армии и вместе с тем разрешения острых финансовых проблем. Решено было часть армии перевести на «самокупаемость»: посадить солдат на землю, чтобы они наряду с несением военной службы занимались земледелием и тем содержали себя. Помимо самообеспечения армии, что, конечно, было немаловажно, власть пыталась с помощью военных поселений уменьшить количество крепостных крестьян в западных и центральных губерниях. Скупая у разоренных войной 1812 г. помещиков земли и крестьян, правительство сужало границы распространения крепостного права, ведь военнопоселенцы должны были стать, по сути, государственными крестьянами. Однако военные поселения стали источником многих бед для крестьян, причиной возмущений и бунтов.

Идея создания военных поселений возникла еще при Павле I. Но к ее реализации приступили в 1810 г. после того как Александр I прочел сочинение французского офицера Сервана в котором предлагалось создать пограничные военные поселения, где солдаты занимались одновременно земледелием и несли службу. Для эксперимента батальон солдат поселили в Могилевской губернии. Жителей мест, назначенных под поселение, выселили в Новороссийскую губернию. Часть поселяемых солдат превратили в семейных «хозяев» У них разместили остальных холостых солдат, которые должны были помогать семейным в полевых работах. Но этот опыт оказался неудачным. Солдаты, не имевшие навыка к земледелию, не могли содержать себя и сильно бедствовали. В связи с начавшейся войной 1812 г. их направили в действующую армию.

Жихарев С.Б.

В 1816 г. вновь вернулись к практике создания военных поселений, но уже на иных началах. На этот раз жители мест, предназначенных под военные поселения, не выселялись, а обращались в военных поселян и получали наименование «поселян-хозяев». К ним подселялись солдаты «действующих» (регулярных) частей пехоты и кавалерии – по два солдата на поселенное семейство. В военных поселениях учреждались школы, госпитали, ремесленные мастерские. Дети военных поселян с 7 лет зачислялись в кантонисты: сначала они, оставаясь при родителях, обучались в школе чтению, письму и счету, а с 18 лет их уже переводили в воинские части.

Вся жизнь военных поселян строго регламентировалась: по команде военные поселяне должны были вставать, зажигать огонь, топить печь, выходить на работу, что коренным образом ломало их прежний, привычный быт и воспринималось ими весьма тяжело. Но особенно тяжелыми для военных поселян в первые годы оказались обширные строительные и дорожные работы, поглощавшие массу труда, здоровья и времени. Они изнуряли силы поселян и явились причиной большой смертности среди них. Таким образом, военные поселения превратились в худший вид крепостной неволи.

В 1817–1818 гг. военные поселения были сначала введены в Новгородской, Херсонской и Слободско-Украинской губерниях. К 1825 г. на положение военных поселян были переведены 374 тыс. казенных крестьян и украинских казаков. К ним поселили 131 тыс. солдат регулярных войск. При Николае I военные поселения, уже в реформированном виде (под влиянием восстания в 1831 г. в Новгородских поселениях), продолжали расширяться. Они возникли в Витебской, Подольской и Киевской губерниях, даже на Кавказе. Были планы создания военных поселений в Ярославской и других губерниях. В 1857 г., когда в связи с подготовкой крестьянской реформы началось упразднение военных поселений, в них насчитывалось 800 тыс. человек обоего пола.

Инициатива учреждения военных поселений исходила от Александра I, поставившего главным начальником над ними А.А. Аракчеева. Аракчеев – выходец из мелких помещиков Тверской губернии, исправный служака, не без способностей к математике и артиллерии, сумел сделать карьеру при Павле I, а также и при очень отличавшемся от своего отца наследнике престола – Александре. Примечательно, что Павел дважды отставлял Аракчеева от службы: в 1798 и в 1799 гг., и он был снова возвышен уже Александром I. Знавший Аракчеева мемуарист Н.И. Греч называл его нравственным уродом, но он был крайне нужен императорам, обладая личными данными, необходимыми для наведения государственного порядка. Он был груб, безапелляционен и гордо заявлял, что служит не Отечеству, а государю.

Сначала Аракчеев даже возражал против военных поселений предлагая решить проблему комплектования армии путем сокращения срока солдатской службы до 8 лет, а из увольняемых в запас создавать необходимый резерв. Но как только вопрос о военных поселениях был окончательно решен царем, Аракчеев стал самым рьяным и последовательным проводником этой меры в жизнь. Педантичность, поистине маниакальная приверженность к «порядку» и строгой дисциплине, неукоснительная исполнительность и бесспорно незаурядные организаторские способности – качества, присущие Аракчееву и особенно ценившиеся в нем Александром I, выдвинули его на первое место на политическом небосклоне России в 1815–1825 гг. Даже многим министрам только через Аракчеева можно было добиться аудиенции у императора. С 1816 г. Александр I прекратил выслушивать традиционные доклады министров, читая лишь краткие выжимки из них, которые готовились в канцелярии Аракчеева.

А.С. Пушкин написал на Аракчеева эпиграмму «Всея России притеснитель...». Вскоре по распоряжению царя был выслан сначала в Одессу, потом в родовое поместье, село Михайловское. Однажды на заседании ученого совета Академии художеств ее президент А.Н. Оленин (известный археолог и художник) предложил избрать почетным академиком Аракчеева. Конференц-секретарь А.Ф. Лабзин поинтересовался, в чем состоят заслуги графа в отношении к искусствам. Оленин ответил,

что Аракчеев – самый близкий человек к царю. Тогда секретарь предложил избрать членом Академии кучера царя Илью Байкова, ибо он не только близок к царю, но и сидит перед ним. За эту выходку, получившую известность, Лабзин был сослан в Симбирскую губернию «под особый надзор полиции», где он через несколько лет умер.

Аракчеев применял самые жестокие меры при подавлении крестьян и казаков, сопротивлявшихся введению военных поселений. В 1817 г. против восставших крестьян Новгородской губернии, не желавших становиться военными поселенцами, была применена даже артиллерия. Массовой экзекуции в 1817–1818 гг. были подвергнуты казаки Херсонской губернии, не желавшие переходить на положение военных поселенцев. Крупное восстание военных поселенцев вспыхнуло летом 1819 г. в Чугуеве – центре Чугуевского и Таганрогского уланских округов военных поселений в Харьковской губернии. В этих округах числилось 28 тыс. военных поселенцев. Они потребовали оставить их на прежнем положении казаков и вернуть взятые под поселения их собственные земли. Восстание было подавлено с помощью двух дивизий регулярных войск. В Харьков прибыл сам Аракчеев, который однако не решился появиться в восставших округах военных поселений. Аресту подверглись 2003 участника восстания, 363 из них были преданы военному суду, приговорившему 273 человека к смертной казни, но затем ее отменили: несчастных прогнали сквозь строй. Этой экзекуции подверглись 54 наиболее активных участника восстания, при этом 29 из них были забиты насмерть.

Реакционный внутривластный курс самодержавия в 1820–1825 гг. обычно связывают с личностью Аракчеева и называют аракчеевщиной. Несомненно, роль Аракчеева, всесильного временщика при Александре I, была в те годы исключительно велика. Современники видели в Аракчееве главное «зло» тех лет. Даже монархически настроенные историки пытались все беды страны свалить на Аракчеева. Нисколько не отрицая влияния этой одиозной личности на ход тогдашних государственных дел, необходимо иметь в виду, что вдохновителем этого политического курса был сам Александр I, а Аракчеев выступал лишь в роли ревностного исполнителя его воли. Неверно мнение о том, что Александр I, занятый в последнее десятилетие своего царствования внешнеполитическими делами, управление империей якобы передал Аракчееву, «как помещик своему приказчику». В действительности, даже находясь за границей, Александр держал все нити внутреннего управления страной в своих руках, вникая во все мелочи, касавшиеся, кстати, и «ведомства» самого Аракчеева – военных поселений, он собственноручно правил его приказы и распоряжения по этому учреждению.

4. Реакционный политический курс Александра I.

К 1820 г. заметно определился поворот Александра I к реакции. Он явился ответом на ряд внешних и внутренних событий, которые произвели на Александра I глубокое впечатление. Современники, в первую очередь декабристы, связывали усиление реакционного политического курса Александра I с революционными потрясениями в странах Западной Европы. Речь Александра I при открытии второго польского Сейма 1(13) сентября 1820 г. уже сильно отличалась от сказанной два с половиной года назад. Теперь царь уже не вспоминал о своем обещании даровать России «законно-свободные учреждения». В это время полыхали революции в южноевропейских странах – Испании, Неаполе, Пьемонте. На конгрессе Священного союза осенью 1820 г. в Троппау Александр говорил о необходимости «принять серьезные и действенные меры против пожара, охватившего весь юг Европы и от которого огонь уже разбросан во всех землях».

В Троппау царь получил известие о восстании лейб-гвардии Семеновского полка вызванном жестокостями вновь назначенного его командиром полковника Е.Ф. Шварца. Первым Александру сообщил это неприятное для него известие австрийский канцлер К. Меттерних, представив его как свидетельство, что и в России «неспокойно». Но особенно большой резонанс это событие вызвало в Петербурге. 6–18 октября 1820 г. восстала не

Жихарев С.Б.

обычная воинская часть, а один из старейших, основанный еще Петром I, гвардейских полков. Шефом Семеновского полка являлся сам Александр I. Солдаты этого привилегированного полка в большинстве своем были ветеранами многих войн.

По приказу Александра I Семеновский полк был раскассирован по различным армейским частям, его 1-й батальон, который начал восстание, был предан военному суду; «зачинщики возмущения» прогнаны сквозь строй и сосланы «навечно» на каторгу, а остальные солдаты этого батальона распределены по различным сибирским гарнизонам. По армейским полкам разослали и всех офицеров полка.

Александр I ошибочно полагал, что возмущение Семеновского полка было инспирировано тайным обществом. Следствие не обнаружило этого, однако было усилено наблюдение за настроениями в армии. Вскоре по доносам Александр I узнал и о существовании тайного общества декабристов – Союзе благоденствия. Но на этот раз он решил обойтись без арестов и громкого судебного процесса (как полагают, во избежание международной огласки). Генерал-адъютант И.В. Васильчиков, представивший Александру I докладную записку с перечнем участников тайного общества, свидетельствовал, что царь, не желая знать «имен этих несчастных», бросил список в пылающий камин, добавив при этом: «Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает их карать». Однако «имена несчастных» Александру были уже известны по другим доносам, и он решил покарать некоторых участников тайного общества без судебной огласки: одни были разжалованы, другие сосланы, и те и другие отданы под негласный надзор полиции.

Наступление реакционного политического курса после 1820 г. обозначилось во всех направлениях. Усилились гонения на просвещение, учебные заведения, особенно на университеты. Еще в 1819 г. в Казанский университет для его ревизии был послан член Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения М.Л. Магницкий, стяжавший славу обскуранта и гонителя просвещения. Он обнаружил в университете «дух вольномыслия и безбожия» и в своем докладе царю о результатах ревизии предлагал «публичное разрушение» этого учебного заведения. Царь наложил резолюцию: «Зачем разрушать, лучше исправить», а «исправлять» университет поручил самому Магницкому, назначив его попечителем Казанского учебного округа. Магницкий рьяно приступил к «реорганизации» преподавания и жизни Казанского университета на основе «благочестия и верноподданности». Он изменил все его учебные планы, уволил 11 лучших профессоров (из 25), заменив их «благонадежными» гимназическими учителями. Из университетской библиотеки по его приказу были изъяты все книги, отличавшиеся, по его мнению, «вредным направлением». Любопытно, что одна из новых кафедр, которая была создана в университете, называлась кафедрой конституции, но в ее задачу входило развенчание конституций. В число этих конституций входили не только основные законы типа французского, но и польская конституция, дарованная самим императором. В самом университете был установлен казарменный режим: студентов заставляли маршировать, читать и петь хором молитвы, провинившегося в крестьянском армяке и лаптях заключали в карцер. «Неисправимых» студентов Магницкий отдавал в солдаты. Довершив разгром Казанского университета, Магницкий докладывал императору: «Яд вольнодумства окончательно оставил университет, где обитает ныне страх Божий». Прямо на глазах один из первых университетов страны стал превращаться в центр мракобесия.

Репрессивные меры Магницкого в Казани стали примером для подражания в других учебных округах. Попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров (будущий министр народного просвещения) воспротивился реакционным мерам по отношению к университетам. Его заставили подать в отставку. Вместо него в 1821 г. попечителем Петербургского учебного округа был назначен фанатичный обскурант Д.П. Рунич. Он начал с доноса о том, что в Петербургском университете науки преподаются «в противном христианству духе», и возбудил судебный процесс против лучших профессоров университета – А.И. Галича, Э.В. Раупаха, К.И. Арсеньева и К.Ф. Германа. Дошло до того,

Жихарев С.Б.

что в сентябре 1821 г. по обвинению в пропаганде идей Французской революции было приостановлено чтение их лекций

Реакция не решилась учинить подобное же «исправление» старейшему университету – Московскому. Попечитель Московского учебного округа князь А.П. Оболенский, используя все свое влияние, сумел оградить Московский университет от наветов и инсинуаций и спасти его от грозившей ему опасности.

Активную деятельность развернули различные кружки религиозного, мистического характера. Вновь ожили масонские ложи, запрещенные Екатериной II. Патриаршество было упразднено, в Синоде председательствовал санкт-петербургский митрополит, однако членов Синода из числа духовных лиц назначал сам император. Оком государевым в этом учреждении являлся обер-прокурор. На должность обер-прокурора Александр I назначил своего друга князя А.Н. Голицына. Этот человек, ранее отличавшийся вольнодумством и атеизмом, неожиданно впал в набожность и мистицизм. В своем доме на набережной Фонтанки, 20, Голицын устроил мрачную домовую церковь. Пурпурного цвета лампы в виде кровоточащих сердец освещали тусклым светом стоящие по углам странные предметы, похожие на саркофаги. Пушкин, посещавший этот дом, слышал заунывное пение, доносившееся из домовой церкви князя Голицына. Бывал в этой церкви и сам государь.

С 1817 года Голицын возглавил новое Министерство духовных дел и народного просвещения. Светская жизнь наполнялась мистицизмом и религиозной экзальтацией. Сановники и придворные с жадностью внимали проповедникам и прорицателям, среди которых было немало шарлатанов.

Особенно выделялось в этом отношении основанное еще в 1812 г. Библейское общество. Российское библейское общество создается под влиянием подобного Британского общества. Еще в декабре 1812 г. Александр утвердил представленный А.Н. Голицыным проект устройства Библейского общества в Петербурге, и затем следует создание его отделений в различных регионах страны. Влияние Библейского общества, важнейшей задачей которого был перевод Библии на различные языки для объединения представителей различных христианских исповеданий, усиливалось непосредственным участием в его работе самого Александра I. В частности, император пожертвовал на нужды общества 25 тыс. руб. и делал ежегодный взнос в 10 тыс. руб. Впрочем, проявлявшаяся в деятельности и Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения тенденция к известному уравнению православия с другими исповеданиями вызвала недовольство православного духовенства, не желавшего поступаться своим привилегированным статусом. Решительными противниками Голицына выступили митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим, а также архимандрит Фотий. Фотий пристально следил за собраниями мистиков, их книгами, высказываниями. Он сжигал масонские издания, повсюду проклинал масонов как еретиков. Это о нем писал А.С. Пушкин:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.

В итоге благодаря коллективным усилиям названных иерархов православной церкви заручившихся поддержкой всевышнего военного министра А.А. Аракчеева Библейское общество оказалось в опале, а Голицыну, несмотря на его близость ко двору пришлось подать в отставку. В 1824 г. был восстановлен прежний порядок заведования делами православной церкви и народного образования, которые снова перешли соответственно в компетенцию двух независимых друг от друга инстанций Синода и Министерства народного просвещения.

Резко усилились цензурные гонения на печать. На смену сравнительно либеральному уставу 1804 г. пришел более жесткий устав 1817 г. Хотя либеральный по своему духу цензурный устав 1804 г. и не был отменен, но негласным распоряжением министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына подчиненному ему цензурному ведомству предписывалось принять меры к недопущению в печати идей, «противных принятым ныне твердым правилам», обнаруживать и пресекать «вольнодумство, безбожие, своеволие, мечтательное философствование». В печати было запрещено касаться вопросов государственного устройства, критиковать действия любого начальства и даже печатать рецензии на игру актеров императорских театров, поскольку; «они находятся на государственной службе». Цензура беспощадно преследовала не только всякую свободную мысль, но даже лояльные правительству сочинения, в которых в рассуждалось о конституциях или о представительном образе правления. Дело доходило до курьезов. Так, цензурным преследованиям подвергся сам Магницкий, представивший в конце 1823 г. переведенную им работу под названием «Нечто о конституциях». Представил он ее без указания своего имени, а Голицын уже из-за одного ее названия приостановил издание. И хотя Цензурный комитет признал это сочинение, направленное против конституций, вполне выдержанным в духе самодержавия, тем не менее он не дал ему дороги в печать.

1 августа 1822 г. последовал рескрипт Александра I на имя управляющего Министерством внутренних дел В.П. Кочубея о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии с военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и впредь не будут принадлежать к таковым организациям. В 1821–1823 гг. помимо секретной гражданской полиции вводится сеть тайной полиции в гвардии и в армии. Были особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Следили за всеми высшими государственными лицами, в том числе и за Аракчеевым (который, кстати, прекрасно знал об этом и имел свою агентуру). Служивший у него декабрист Г.С. Батеньков вспоминал, как Аракчеев во время прогулки с ним по Фонтанке указал на шпиона, который был «приставлен за ним наблюдать».

Это было классическое время доносов. Доносили на лиц не только заподозренных в «вольнодумстве», но и на влиятельных вельмож и ретроградов, например, на министра полиции А.Д. Балашова, А.Н. Голицына, московского митрополита Филарета. М.Л. Магницкий подал донос даже на великого князя Николая Павловича (будущего Николая I).

Тайная полиция, несмотря на ее развитую шпионскую сеть, так и не смогла выявить существование декабристских организаций. И это при том, что декабристы не соблюдали строгих правил конспирации. Лишь летом 1825 г. Александру I стало известно о существовании против него заговора, причем сведения поступили не от полиции, а от лиц, случайно проведавших об этом из-за неосторожности некоторых молодых членов тайного общества. Однако удалось узнать лишь о факте заговора.

Декабристы в своих показаниях и письмах рисуют весьма неприглядную картину состояния России в последние годы царствования Александра I. «Сжатое просвещение», «задушенная свобода», «лихоимство в судах», «совершенное отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве», казнокрадство, принявшее невиданные размеры, всеобщие жалобы на стеснение промышленности и торговли – все это являло декабристам «картину всеобщего неблагоденствия». Разумеется, Александр I был осведомлен обо всем этом, как и о растущем ропоте в народе и различных общественных кругах, что производило на него гнетущее впечатление. Приближенные к Александру отмечали, что в последние годы он стал мрачен, чаще уединялся, поговаривал о своем намерении отречься от престола. До 1823 г. царь еще надеялся на рождение собственного сына. От брака с Елизаветой Алексеевной у Александра было две дочери, которые умерли в младенчестве. В 1810 г. скончалась и дочь от его внебрачной связи с Марией Нарышкиной. Все эти смерти представлялись мнительному Александру I расплатой за тяжкие грехи.

Жихарев С.Б.

16 августа 1823 г. Александр I подписал манифест о передаче прав на престол великому князю Николаю Павловичу, минуя законного наследника цесаревича Константина. Александр приказал хранить текст манифеста в строжайшем секрете в запечатанном конверте.

1 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, намереваясь посетить там военные поселения, Крым и Кавказ. Неожиданная смерть его 19 ноября 1825 г. в Таганроге породила легенду о том, что царь не умер, а таинственно скрылся и долгое время жил под именем «старца Федора Кузьмича». За несколько дней до смерти Александра I в Таганроге погиб фельдъегерь, внешне весьма на него похожий. Поползли слухи, что император жив, что похоронили не его, а того самого фельдъегеря. А в 1836 году в Сибири появился старец, называвший себя Федором Кузьмичом. Он был, по его собственным словам, «бродяга, не помнящий родства». Было ему на вид лет 60. Императору к тому времени исполнилось бы 59. Старец одет был по-крестьянски, но держался величаво, отличался изящными манерами. Его арестовали, судили за бродяжничество, приговорили к наказанию 20 ударами плетью.

Среди преданий об этом императоре есть и такое. В 1920-х годах, когда в усыпальнице Петропавловского собора был вскрыт саркофаг Александра I, он якобы оказался пустым. Но документальных свидетельств, подтверждающих этот факт, нет.

Легенда опровергается бюллетенями о ходе болезни царя составленными лейб-хирургом Д.К. Тарасовым, актом вскрытия его тела после кончины и многими другими официальными документами, письмами, воспоминаниями, донесениями лиц – свидетелей его смерти. И, тем не менее, вера в эту легенду сохраняется и поныне. Склонны ее поддерживать и некоторые историки.

Литература к лекции

Учебная

1. История России. XIX век: Учеб. для высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001. – Ч.1. – 256 с.
2. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. / А.А. Корнилов; Вступ. ст. А.А. Левандовского. – М.: Астрель, 2004. – 862 с.

Источники

1. Федоров В.А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Первая половина XIX века. Учеб. пособие. – М., Высш. школа, 1974.
2. Хрестоматия по истории СССР: В 2-х т. / С.С. Дмитриев. М.В. Нечкина. – М.: Гос. уч.-пед. изд. Мин. Просвещ. РСФСР, 1953. – Т.2 (1682–1856). – 960с.

Исследования

1. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.
2. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989.
4. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. – Л., 1988.

Лекция 3. Внутренняя политика самодержавия в 1825–1855 гг.

План

1. Николай I и его правление.
2. Реорганизация системы высших и центральных государственных органов, бюрократизация управления.
3. Правительственная политика в области просвещения и печати.
4. Аграрно-крестьянский вопрос. Попытки его решения в высших правительственных кругах.
5. Экономическая политика и финансово-бюджетная система России.
6. Политический курс Николая I в период “мрачного семилетия”. Усиление реакции и полицейского террора.

1. Николай I и его правление.

Будущий император Николай I родился 25 июня (6 июля) 1796 г. Николай был третьим сыном императора Павла и великой княгини Марии Федоровны. Именно при дворе матери Николай получил первоначальное воспитание: Павла I заговорщики убили, когда его третьему сыну не было и 5 лет. Поэтому Николай почти не испытал отцовского влияния. Воспитание Николая организовывал старый немецкий рутинер, генерал М.И. Ламсдорф, который «умел вселить в нас одно чувство – страх... страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум. В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Нередко Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков».

Николай получил неплохое домашнее образование в рамках университетского курса. Политическую экономию и статистику наследнику читал академик Шторх, профессор М.А. Балугьянский преподавал Николаю историю и теорию финансов. Однако абстрактные, отвлеченные знания и гуманитарные науки, навевали скуку на будущего императора. Юный Николай Павлович предпочитал математику, артиллерию, инженерное дело. Еще в детстве его увлекло военное дело: вначале военные игры, а затем военные науки, которые ему читал инженерный генерал Опперман. «Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа», – вспоминал он.

После завершения обучения Николай предпринял путешествие по России и Западной Европе. В 1817 г. он женился на прусской принцессе Шарлотте, принявшей при крещении имя Александры Федоровны. Этот брак был счастливым и редко омрачался размолвками. За 38 лет супружеской жизни у них родилось 7 детей. Старший сын – будущий Александр II появился на свет в 1818 г.

Николай не был подготовлен к занятию престола: от трона его отделяли два старших брата и их возможное потомство. Как и большинству великих князей, Николаю Павловичу была уготована военная карьера. Еще отец назначил его шефом сначала Конного, а затем Измайловского полка. После бракосочетания Александр I назначил брата генерал-инспектором по инженерной части, шефом лейб-гвардии саперного батальона, а в 1818 г. командиром бригады 1-й Гвардейской дивизии. Летом 1819 г. император впервые сообщил Николаю и его жене о своем намерении вскоре отречься от престола и о нежелании Константина Павловича наследовать старшему брату. Однако никаких мер по привлечению брата к государственным делам Александр I не предпринял. Николай совершенно не представлял себе сложности предстоящей миссии.

Неожиданная смерть Александра I возвела Николая I на престол. Восстание декабристов произвело сильное впечатление на Николая. "Революция на пороге России,

но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни", – таково "кредо", сформулированное им вскоре после воцарения. Оно навсегда утвердило в нем недоверие к русской дворянской аристократии, к любой форме дворянской оппозиционности. Отсюда проистекало и особое расположение Николая к немецкому дворянству, многие представители которого сделали в его правление блестящие карьеры.

Сразу же после восстания на Сенатской площади, в ночь на 15 декабря в Петербурге начались аресты. Декабристов возили на допрос непосредственно к самому Николаю I в Зимний дворец. Николай сам выступал в роли следователя и допрашивал арестованных в комнатах Эрмитажа. После допросов «государственных преступников» отсылали в Петропавловскую крепость.

Следствие было сосредоточено не на идеологии декабристов, не на их политических требованиях, а на вопросе цареубийства. Поведение декабристов на следствии было различно. Многие из них не проявили стойкости, каялись, плакали, выдавали товарищей. Но были случаи и личного героизма, отказа давать показания и выдавать заговорщиков. В числе стойких и державших себя с достоинством был, например М.С. Лунин. Но вместе с тем многие следственные дела декабристов содержат многочисленные покаянные обращения к царю и членам комиссии, слезливые письма раскаявшихся «преступников», клятвы заслужить прощение. За стенами тюрьмы они не чувствовали опоры, и многие упали духом. Заковывание «в железа» было формой физической пытки, но не менее тяжелы были и моральные пытки – запугивание, влияние на семью, угрозы смертной казни и пр.

Суд над декабристами происходил при закрытых дверях, в глубокой тайне. Вызываемым декабристам спешно предлагали освидетельствовать их подписи под показаниями на следствии, после чего читали приговор. Царский суд вынес суровые приговоры тем, кто посмел выступить против царя: пятерых повесили (Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский), 120 человек отправили на каторгу в Восточную Сибирь, иных разжаловали в солдаты, послали в действующую армию и т. д.

В ночь на 13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости при свете костров устроили виселицу и рано утром вывели заключенных декабристов из крепости для совершения казни. На груди у приговоренных к повешению висели доски с надписью: «Цареубийца».

Казнь декабристов была совершена с нарушением древних традиций. Из пяти человек, над которыми осуществлялась казнь через повешение, трое (М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол, К.Ф. Рылеев) сорвались с виселицы и, согласно обычаю, должны были быть оправданы. Однако командующий экзекуцией генерал А.И. Чернышев приказал всех троих повесить снова.

Всех прочих заключенных декабристов вывели во двор крепости и зачитали им приговор. Процедура сопровождалась разжалованием, лишением чинов и дворянства: над осужденными ломали шпаги, срывали с них эполеты и мундиры и бросали в огонь пылающих костров. Свыше 120 человек декабристов было сослано на разные сроки в Сибирь, на каторгу или поселение. Разжалованные в рядовые были сосланы на Кавказ. К числу казненных надо прибавить насмерть запоротых солдат-декабристов, некоторые из которых были прогнаны сквозь строй 12 раз, т.е. получили 12 тысяч шпигрутов.

Идеологические основы нового царствования заложены уже в царском манифесте от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками» (декабристами). В нем проводилась идея незыблемости самодержавия. Сохранить целостность огромной и многонациональной империи, предохранить страну от разрушительных последствий революционных потрясений могла, по мнению Николая I, только абсолютная монархия. Однако знакомство с проектами революционных обществ и с показаниями декабристов на следствии убедили царя в необходимости проведения серьезных преобразований во всех областях российской жизни. Вот только вектор его

реформаторских начинаний совершенно не совпадал с планами дворянских революционеров. Николай I понимал реформы как компромисс между прошлым и будущим, а не уничтожение первого во имя второго. Он не торопился с радикальными изменениями, полагая, что им должен предшествовать длительный подготовительный период. Поспешность в решении сложных проблем могла привести, по его мнению, к тяжелым социальным и политическим последствиям. Этим объясняется противоречивость в политике Николая I. С одной стороны, постоянная в течение всего времени его царствования борьба с революционным движением в России и в странах Западной Европы, усмирение народных возмущений, гонения на все передовое и прогрессивное в стране, с другой, – попытка проведения мер, направленных на разрешение острых социальных проблем, на экономическое и культурное развитие страны.

Эта противоречивость в политике Николая I проявилась уже в первый год его царствования: судебный процесс и казнь декабристов, учреждение высшей полиции для борьбы с революционным движением. В тоже время наряду с этим – увольнение в отставку наиболее одиозных лиц александровского царствования, вызывавших всеобщую ненависть, – А.А. Аракчеева, Д.П. Рунича, М.Л. Магницкого и др., прекращение тянувшегося с 1821 г. "дела петербургских профессоров", обвинявшихся в пропаганде «вольномыслия». Вблизи престола оказались теперь другие люди – А.Х. Бенкендорф, А.Ф. Орлов, П.А. Клейнмихель. Правда, по замечанию современника, большей частью это были люди незначительные «сущие пигмеи». Но наряду с ними некоторые видные государственные посты занимали сановники, не сочувствовавшие реакционным мерам, понимавшие необходимость реформ, – те, кого можно назвать просвещенными бюрократами. Наиболее крупными фигурами среди них были М.М. Сперанский и П.Д. Киселев. Среди сановников александровского времени, продолжавших действовать при Николае I, выделялся и адмирал Н.С. Мордвинов, возглавлявший в Государственном совете Департамент гражданских и духовных дел. К тому же типу просвещенных бюрократов можно отнести князя В.П. Кочубея, барона М.А. Корфа, Д.Н. Блудова – в прошлом участника известного литературного общества «Арзамас», отчасти графа Е.Ф. Канкрин, занявшего при вступлении на престол Николая Павловича пост министра финансов. Это был последовательный сторонник политики бюджетного равновесия, человек твердый, с определенными принципами. Николай I вспоминал что «бывало придет ко мне Канкрин в туфлях (он страдал ревматизмом), греет у камина спину и на всякое мое начинание требующее значительных денег говорит: нельзя, ваше величество, никак нельзя...». Несмотря на это, Николай высоко ценил способности и порядочность Егора Францевича и в течение 17 лет держал его на посту министра финансов. Использование на важных государственных постах такого рода сановников, несомненно, говорит в пользу Николая I, однако царь сумел поставить их на службу своим охранительным целям; реформаторские возможности этих деятелей, напротив, всячески сдерживались.

Ранее Николая I изображали как некую «самодовольную посредственность с кругозором ротного командира». Однако это был достаточно образованный для своего времени, волевой, прагматически мыслящий самодержец. Он профессионально знал военно-инженерное дело с приемами тактики. Любил архитектуру: ни один проект общественных зданий не проходил без его личного одобрения, обычно сопровождаемого весьма квалифицированными замечаниями. Он разбирался в литературе и искусстве, любил театр и музыку.

Николай I был искренне верующим человеком, но чужд мистицизма и сентиментальности, присущих Александру I, не обладал он и его искусством тонкой интриги и притворства; его ясный и холодный ум действовал прямо и открыто. Он отнюдь не был трусом, как пытались его представить некоторые историки. 14 декабря 1825 г., при полной растерянности генералитета после гибели на Сенатской площади генерал-губернатора Петербурга М.А. Милорадовича Николай один сохранял полное

самообладание: умело расставлял войска, сам командовал ими. Во время бунта летом 1831 г. на Сенной площади Петербурга он сумел одним властным окриком заставить бунтующую толпу пасть перед ним на колени. Хладнокровно он вел себя, когда вскоре явился перед восставшими новгородскими военными поселянами.

Николай поражал иностранцев роскошью своего двора и блестящими приемами в Зимнем дворце, но в личном быту был неприхотлив вплоть до того, как рассказывали, что спал на походной солдатской койке, укрывшись шинелью. Обычно с семи часов утра весь день он трудился в своем скромном кабинете Зимнего дворца, вникая во все мелочи жизни огромной империи, требуя подробных сведений обо всем случившемся. По свидетельству камер-фрейлины двора А.Ф. Тютчевой, "он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волей". Николай I вмешивался во все, вплоть до мощения набережной Невы и поведения своих подданных в быту. Он никогда не забывал, что, когда и кому приказывал, и следил за точным исполнением своих приказаний. Он любил внезапно инспектировать казенные учреждения: неожиданно являться в присутственные места, учебные заведения, суд, таможню или сиротский дом.

Император был убежден в неограниченных возможностях и всемогущести государственной власти, в ее безусловной способности обеспечить благо подданных. Для этого лишь необходим эффективный, рационально организованный аппарат, действующий по указаниям сверху. Поэтому от чиновничества царь ожидал не самостоятельности и инициативы, а исполнительности и слепого подчинения воле вышестоящего начальства. Думать за всех должен был Николай I, стремившийся соответствовать созданному им идеалу. Его отличали необыкновенная работоспособность, стремление лично вникать во все возникавшие проблемы и контролировать исполнение принятых решений. Подобное отношение к царским прерогативам и представление о царской власти сближали Николая I с Петром I, которого новый император считал своим кумиром. Подобно Петру I, он проявил огромную работоспособность в делах управления империей. Николай Павлович проводил за работой восемнадцать часов в сутки, трудился до поздней ночи, вставал на заре. Некоторое сходство можно заметить и в мерах по укреплению бюрократического аппарата государства (своей склонностью к бюрократизации всей жизни страны Николай I превзошел и предшественников, и преемников). Но по масштабам и плодотворности деятельности он несоизмерим с Петром I, а ее направленность была во многом противоположна петровской (особенно в отношении к Западу и западноевропейской цивилизации).

2. Реорганизация системы высших и центральных государственных органов, бюрократизация управления.

Процесс перехода России к индустриальному обществу, постоянное усложнение социально-экономических и общественно-политических отношений в стране, исторический вызов со стороны модернизировавшегося Запада заставляли Николая I проводить преобразования. Отвергнув планы радикальных реформ и тесного сотрудничества с обществом, новый император выбрал путь постепенной трансформации и адаптации режима к происходящим переменам. Подобная логика правительственного курса требовала определенной перестройки государственного аппарата. Ведущим ее направлением стала бюрократическая централизация, сосредоточение всех властных рычагов в руках монарха, усиление личностного начала в управлении огромной Российской империи. Подобная персонификация власти подкреплялась и уверенностью Николая I в собственной универсальной компетентности, и рядом объективных обстоятельств: низким уровнем образованности большей части чиновничества, его коррумпированностью и довольно вольным отношением к служебным обязанностям. Только в течение 1841–1859 гг. почти 100 тыс., чиновников государственного аппарата были привлечены к суду за различного рода преступные действия, в том числе за

Жихарев С.Б.

взяточничество и присвоение казенного имущества. Размах лихоимства побудил как-то Николая I попытаться выяснить, кто из губернаторов не берет взятку. Среди честных губернаторов оказались всего двое – киевский губернатор Фундуклей и ровенский Радищев – сын автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву». «Что не берет взятку Фундуклей, это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берет их Радищев, значит он чересчур честен», – отреагировал император.

6 декабря 1826 г. был учрежден секретный Комитет для выработки программы преобразований. Во главе его был поставлен председатель Государственного совета, опытный администратор, граф В.П. Кочубей. Но фактически всеми делами в Комитете заправлял М.М. Сперанский, который в начале царствования Николая I вновь вернулся на политическую арену и ставшего по выражению барона М.А. Корфа «главной пружиной» Комитета. Николай I поставил перед Комитетом задачу разработать проекты преобразования высшего и местного управления и закона "о состояниях", т.е. о правах сословий. Предполагалось провести реформу центральных органов власти. Выдвигалась идея "разделения властей" (под этим понималось более четкое размежевание функций между различными ведомствами). Проекты реформы местной администрации предусматривали установление более действенного контроля над нею со стороны центральных органов власти. Но смысл всех этих проектов и предложений, как подчеркивалось на заседаниях Комитета, заключался "не в полном изменении существующего порядка управления, а в его усовершенствовании посредством частных перемен и дополнений". Предполагалось рассмотреть и крестьянский вопрос. Каких-либо практических результатов работа Комитета не имела. Проекты высшего и местного управления свелись к упорядочению структуры государственного аппарата, а по сословному; вопросу – к мерам укрепления материального положения дворянства и охраны его сословных прав и привилегий. А попыткой решения крестьянского вопроса занялись последующие, специально для этого создаваемые, секретные комитеты. За 4 года Комитет провел 173 заседания. К апрелю 1830 г. его деятельность фактически приостановилась. В течение последующих двух лет он провел всего лишь несколько заседаний. В 1832 г. его работа прекратилась, хотя формально он не был закрыт.

С первых шагов Николай I продемонстрировал твердую решимость управлять государством самому, вникая во все и все направляя. Во второй четверти XIX в. происходит неуклонное снижение роли традиционных органов власти в системе государственных учреждений. Систематически нарушалась монополия Государственного Совета на законотворчество. Часто законопроекты поступали к царю из других ведомств, минуя обсуждение в Государственном совете. Утвержденные Николаем I всеподданнейшие доклады министров также становились законами без предварительного рассмотрения в Совете. Из компетенции его аппарата была изъята кодификация законодательства. Не произошла трансформация в полноценное правительство Комитета министров: наиболее важные решения принимались на еженедельных встречах монарха с министрами или на заседаниях специальных комитетов и совещаний. Многих своих контрольных и надзорных полномочий лишился Сенат, все больше превращаясь из «правительствующего» в судебный. Под полным контролем обер-прокурора оказался Святейший Синод. При императоре Николае вошло в практику для решения того или иного важного вопроса создавать многочисленные секретные комитеты и комиссии, находившиеся под его непосредственным ведением.

Централизация управления усилилась при нем до предела, причем все ее нити восходили отныне непосредственно к императору. Этого удалось добиться прежде всего благодаря коренной реорганизации царской канцелярии, значение и роль которой неизмеримо возросли. Предпринятая мера должна была укрепить механизм функционирования самодержавной власти и тем содействовать упрочению существующего строя.

Собственная его императорского величества канцелярия возникла еще в конце XVIII в. и занималась в основном делопроизводством. Однако при Николае I канцелярия необычайно разрослась: 31 января 1826 г. в ее составе были созданы первое и второе отделения, 3 июля 1826 г. – третье, 26 октября 1828 г. – четвертое, 29 апреля 1836 г. – пятое, 30 августа 1842 г. – шестое. Во главе каждого отделения стоял особый начальник (главноуправляющий или управляющий), подчиненный лично императору.

Первое отделение контролировало ход исполнения царских повелений, готовило проекты высочайших указов и рескриптов. Через него свои отчеты и доклады императору представляли министры и губернаторы. К компетенции I отделения относились вопросы организации гражданской службы и чиновничества. Надзор за службой гражданских чиновников в 1846–1858 гг. осуществлял находившийся в составе отделения Инспекторский департамент гражданского ведомства.

Второе отделение канцелярии было образовано по инициативе М.М. Сперанского для кодификации законов. Ему были переданы дела созданной еще при Александре I Комиссии составления законов. Кроме того, второе отделение осуществляло цензуру юридической литературы, издаваемой частными лицами, готовило заключения по правовым вопросам для высших государственных учреждений, активно участвовало в законотворческой деятельности. Во главе II отделения стоял известный юрист М.А. Балугьянский, преподававший право Николаю Павловичу, когда тот был еще великим князем. Однако подлинным вдохновителем деятельности отделения был М.М. Сперанский, талант и способности которого высоко оценил и новый император. После смерти Сперанского его работу продолжили выдающиеся государственные и общественные деятели Д.В. Дашков и Д.Н. Блудов. Кодификация является одним из видов систематизации законодательства, т.е. деятельности по упорядочению и совершенствованию нормативных актов, приведению их в определенную внутренне согласованную систему.

Необходимость кодификации давно не вызывала сомнений: попытки создать единое Уложение предпринимались на протяжении всей второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Освобождение законодательства от устаревших норм, устранение накопившихся за долгие годы (со времени издания Соборного Уложения 1649 г.) противоречий, заполнение лакун, обеспечение возможности свободного использования правовых актов государственными органами и подданными – все эти задачи делали ту или иную систематизацию законодательства одним из приоритетов нового императора.

По плану Сперанского кодификация законов должна была пройти три этапа: на первом предполагалось собрать и издать в хронологическом порядке все законы, начиная с "Уложения" царя Алексея Михайловича 1649 г. и до конца царствования Александра I; на втором – издать Свод действующих законов, расположенных в предметно-систематическом порядке, без внесения каких-либо исправлений и дополнений; на третьем этапе предусматривалось составление и издание "Уложения" – нового систематического свода действующего законодательства, "с дополнениями и исправлениями, сообразно правам и обычаям и действительным потребностям государства". Только последняя стадия должна была носить правотворческий характер и содействовать развитию российского права.

Из архивов Сената, Синода, коллегий и министерств было доставлено и просмотрено свыше 3 тыс. рукописных и печатных фолиантов, содержащих указы, манифесты, рескрипты, уставы, постановления. Все подготовленные к изданию акты сверялись с подлинниками, затем при формировании томов располагались в строго хронологическом порядке. При II отделении была собственная типография, в которой печатались подготовленные тома "*Полного собрания законов Российской империи*". Полное собрание законов является наиболее важным законодательным источником, имеющим универсальный характер. В нем содержатся законы, относящиеся к организации государственной власти: законы 8 сентября 1802 г. об образовании министерств и

Жихарев С.Б.

Комитета министров, 1 января 1810 г. об учреждении Государственного совета, 26 июня 1811 г., определяющий структуру министерств. Здесь же помещены трактаты и конвенции России с другими государствами, в частности мирные договоры, заключенные по окончании войн. В Полном собрании законов представлено и законодательство по крестьянскому вопросу от закона 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах, реформ 1804 и 1816–1819 гг., касающихся крестьян Прибалтийских губерний. Наконец, в Полное собрание включены законы, касающиеся экономического развития страны (таможенные тарифы, уставы различных фабричных товариществ, акционерных обществ, банков и т. д.).

В течение 1828–1830 гг. было издано 45 объемистых томов и 3 тома указателей и приложений к ним. Они составили "Первое собрание", в которое вошли 31 тыс. законодательных актов за 1649–1825 гг. Кроме того, были изданы еще 6 томов законов, вышедших с конца 1825 по 1830 гг., – этими томами начиналось "Второе собрание", включавшее законы, изданные в царствования Николая I и Александра II. Законы, изданные в царствования Александра III и Николая II, составили "Третье собрание". В общей сложности все три "собрания" составили 133 тома, в которые вошли 132,5 тыс. разного рода законодательных актов с 1649 по 1913 гг.

Однако в строгом смысле слова его нельзя назвать "полным". Как установлено историками российского законодательства, в него за первую четверть XVIII в. вошла лишь треть законодательных актов, а за вторую четверть XVIII в. – не более пятой их части. Полнее представлено законодательство царствований Екатерины II и Павла I. Почти полностью включены законы, изданные во время царствования Александра I. О включении в "Полное собрание" ранее не публиковавшихся законов принимал решение сам Николай I, который предварительно ознакомился с их содержанием.

Одновременно на основе "Полного собрания законов" М.М. Сперанским в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. готовился и "*Свод законов Российской империи*". В отличие от Полного собрания, Свод законов включает в себя только действующие законы, помещенные при этом не в хронологическом, а в систематическом порядке. Проводилась и текстовая обработка статей "Свода". При этом все исправления, а тем более дополнения, делались только с санкции императора, контролировавшего весь ход кодификации. Подготовленный "Свод законов" предварительно рассматривался в особой сенатской комиссии, затем его отдельные части рассылались по министерствам. В 1832 г. он был издан в 15 томах, заключавших в себе 40 тыс. статей.

На заседании Государственного совета 19 января 1833 г., на которое было вынесено обсуждение "Свода законов", большую речь произнес Николай I, подчеркнув важность его издания. По окончании речи он пригласил Сперанского и возложил на него снятую с себя ленту ордена Св. Андрея Первозванного. Государственный совет одобрил "Свод", а Николай I наложил резолюцию: "Свод рассматривать как исключительно положительный закон, действие коего начинается с 1 января 1835 года". В царствование Николая I он с необходимыми дополнениями издавался в 1834, 1839 и 1842 гг. Кроме того, были изданы подготовленные Сперанским "Свод военных постановлений" (12 томов), "Свод законов Остзейских и Западных губерний" и "Свод законов Великого княжества Финляндского". При Николае I были изданы также "Полное собрание духовных узаконений в России со времени учреждения Святейшего Синода", "Собранно морских узаконений от 1845 по 1851 гг." и "Свод законов кочевых инородцев Восточной Сибири". Кодификационный план Сперанского не был выполнен на завершающем и самом существенном его этапе – подготовки и издания "*Уложения Российской империи*". Николай I, придерживаясь строгих принципов охранительства, отверг третий этап кодификации, предусматривавший внесение "новшеств".

Содействовать наведению элементарного порядка в сложной и запутанной системе управления огромной империей, утверждению принципов законности в деятельности государственного аппарата и в жизни общества было призвано созданное *Третье*

отделение Собственной его императорского величества канцелярии. В том или ином виде политическая полиция существовала в России и раньше. Восстание 14 декабря 1825 г. навело правящую верхушку на мысль о недостаточности и неэффективности прежнего порядка. Весной 1826 г. генерал А.Х. Бенкендорф представил царю проект организации «новой полицейской власти» на основе которого и было создано III отделение императорской канцелярии. При создании нового учреждения предлагалось руководствоваться опытом наполеоновской Франции. Во главе III отделения был поставлен А.Х. Бенкендорф. Он же являлся и шефом Корпуса жандармов. После смерти Бенкендорфа в 1844 г. посты начальника III отделения и шефа жандармов занимал другой фаворит царя, видный военный и государственный деятель, граф А.Ф. Орлов. Ни А.Х. Бенкендорф, ни А.Ф. Орлов не проявляли особого рвения в делах отделения. Вся повседневная работа выполнялась управляющими III отделением М.Я. фон Фоком (1826–1831), А.Н. Мордвиновым (1831–1839) и Л.В. Дубельтом (1839–1856).

Прерогативы нового правительственного органа были всеобъемлющими. Его надзору были подведомственны не только частные лица, но и государственные учреждения, центральные и местные. III отделение собирало информацию о настроениях крестьян, обращении с ними помещиков, осуществляло тайный надзор за "неблагонадежными" лицами и за периодической печатью, ведало местами заключения и делами о "расколе", наблюдало за иностранными подданными в России, выявляло носителей "ложных слухов" и фальшивомонетчиков, занималось сбором статистических сведений и перлюстрацией частных писем, осуществляло надзор за действиями администрации (взяточничество). По образному выражению историка М.К. Лемке, «оно проникало во все поры государственного организма».

По роду различных его занятий оно подразделялось на шесть "экспедиций" и "секретную часть". Первая, важнейшая, ведала политическими делами и лицами, состоявшими под полицейским надзором, остальные занимались раскольниками, сектантами, иностранцами, фальшивомонетчиками, уголовными делами, театральной цензурой. В штате III отделения первоначально числились 16 чиновников, в 1856 г. число их достигло 30-ти. 27 апреля 1827 г. при III отделении был создан Корпус жандармов, насчитывавший сначала 4,1 тыс., а в 1856 г. – 6 тыс. человек. Вся Россия, за исключением Польши, Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья, была поделена сначала на 5, а в 1843 г. на 8 жандармских округов, на каждый из них приходилось по 7–8 губерний. Округа состояли из отделений (но 4–6 в каждом округе). Округами командовали генералы, а отделениями – штаб-офицеры, которых тщательно отбирали по принципу "благонадежности" и умения "общаться с населением".

Это был орган осведомления царя обо всех "происшествиях" в Российской империи. Николай I внимательно читал доклады и донесения начальника III отделения. Деятельность III отделения породила широкую практику доносов. Такую цель, между прочим, имел в виду Бенкендорф, заметивший в своем первоначальном проекте: «Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться». Доносили не столько раскаявшиеся, сколько те, кто желал получить от своего доноса какую-нибудь выгоду. Мания подозрительности приобрела невиданные масштабы: директор канцелярии III отделения вдруг обнаружил, что полиция следит за ним самим и его сотрудниками.

III отделение имело свою сеть тайных агентов, а в 40-х годах создает тайную агентуру за рубежом для слежки за русскими эмигрантами. Под ее бдительным наблюдением находились издатели русской зарубежной прессы князь П.В. Долгоруков, А.И. Герцен и П.П. Огарев. А.И. Герцен называл III отделение "всероссийской шпионницей", "вооруженной инквизицией, полицейским масонством, поставленным вне закона и над законом, имеющим право мешаться во все".

В 1828 г. в связи с кончиной императрицы Марии Федоровны (матери Николая I) было учреждено четвертое отделение, которое заменило ее канцелярию, созданную в 1797

Жихарев С.Б.

г. Павлом I для управления учебными, воспитательными и благотворительными учреждениями. Постепенно в ведение IV отделения перешли благотворительные (воспитательные дома с кредитными учреждениями при них, детские приюты и т.п.) и некоторые специальные учебные заведения (в том числе Царскосельский лицей), находившиеся под покровительством императрицы и других членов царской семьи. Затем были учреждены два временных отделения: в 1835 г. пятое – для подготовки реформы в государственной деревне, преобразованное в 1837 г. в Министерство государственных имуществ, и в 1843 г. шестое – для управления присоединенными к России территориями Кавказа и упразднено в 1845 г. после учреждения Кавказского наместничества.

Возникновение целого ряда проблем, к оперативному разрешению которых не был приспособлен громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат, обусловило постоянное появление в структуре высших государственных учреждений империи временных органов чрезвычайного характера – секретных высших комитетов. В немногочисленный состав комитетов включались особо приближенные к императору чиновники. Высшие комитеты можно условно разделить на несколько групп: а) комитеты по разработке мер, укреплявших государственный аппарат и сословную организацию; б) крестьянские комитеты; в) комитеты по подготовке и проведению отдельных внутривластных мероприятий; г) комитеты по высшему руководству управлением отдельными национальными окраинами. Сравнительно долго действовали Сибирский, Кавказский комитеты, Комитет по делам Царства Польского, Комитет западных губерний, остзейские и еврейские комитеты.

3. Правительственная политика в области просвещения и печати.

В XVIII–XIX веках общее направление правительственной политики во многом определялось отношением к просвещению, которое понималось широко, – как категория познавательная, мировоззренческая и нравственная. При Петре I, Елизавете Петровне, Екатерине II, Александре I высшая власть всячески содействовала расширению масштабов и повышению уровня образования в стране. В последнее десятилетие царствования Александра I произошел поворот: прежнее покровительственное отношение правящих кругов к просвещению сменилось настороженным. И в дальнейшем просвещение не переставало привлекать пристальное внимание правительства. Просвещение и печать рассматривались Николаем I как важнейшие средства идеологического и нравственного воздействия на все слои населения страны. Император поставил цель реорганизовать систему народного образования таким образом, чтобы она предотвращала возможность развития всяких революционных стремлений.

Рассматривая событие 14 декабря 1825 г. как "пагубное последствие ложной системы воспитания", Николай I при вступлении на престол отдал министру народного просвещения А.С. Шишкову распоряжение о пересмотре уставов учебных заведений. С этой целью в мае 1826 г. был создан "Комитет по устройству учебных заведений", в обязанность которого входило проверить все их уставы и выработать новые принципы школьного образования, определить дисциплины, которые должны были преподаваться на каждой ступени обучения. 19 августа 1827 г. последовал рескрипт царя Шишкову о запрещении принимать в гимназии, и тем более в университеты, крепостных крестьян.

В основу народного просвещения был положен принцип строгой сословности и бюрократической централизации, что нашло свое воплощение в утвержденном 8 декабря 1828 г. "Уставе гимназий и училищ уездных и приходских". Согласно этому уставу начальное и среднее образование подразделялось на три категории: 1) для детей низших сословий предназначались одноклассные приходские училища с самой элементарной программой (чтение, письмо, четыре правила арифметики и Закон Божий), 2) для детей купцов и мещан предназначались трехклассные училища с более широкой программой начального обучения (вводились начала геометрии, а также география и история), 3) для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, подготавливавшие

Жихарев С.Б.

учащихся к поступлению в университеты. Устав ликвидировал преемственную связь между этими ступенями образования. Таким образом, уровень образования должен был строго соответствовать социальному положению учащегося. Однако утвердить сословный характер в образовании не удалось. Во всех учебных заведениях вплоть до университетов значителен был удельный вес учащихся недворянского происхождения. Путь туда был закрыт только для крепостных: они могли быть допущены лишь в приходские и уездные училища.

Правительственную политику в области просвещения последовательно проводил возглавлявший с 1833 по 1849 гг. Министерство народного просвещения граф С.С. Уваров. Одновременно он был президентом Императорской Академии наук, в его подчинении находились многие научные и культурные учреждения. Возглавляя Академию наук и будучи попечителем Петербургского учебного округа Уваров приложил немало усилий для создания в столице университета. Он был талантливым и широко образованным человеком, поражающим современников обширными познаниями, свободным владением древними и рядом современных европейских языков. В молодости Уваров слыл "либералом", являлся одним из основателей известного литературного кружка "Арзамас", объединявшего лучшие литературные силы. Вместе с ним участниками «Арзамаса» были В.Л. Жуковский, П.Л. Вяземский, А.И. Тургенев, А.С. Пушкин, декабрист М.Ф. Орлов. Уваров много путешествовал по России и странам Западной Европы. В Германии он близко познакомился с Гете и известным немецким реформатором бароном Штейном. Он занимался научными изысканиями в области греко-римской филологии и был почетным членом многих европейских академий наук и научных обществ.

Современники, отдавая должное "высокому и просвещенному уму" Уварова, вместе с тем указывали на его неблагоприятные личные качества – беспринципность, расчетливость, стремление «пустить пыль в глаза». Это был ловкий царедворец и, по словам хорошо знавшего его С.М. Соловьева, "умный, хитрый холоп". В царствование Николая I Уваров занял откровенно реакционно-охранительные позиции.

Как министр народного просвещения Уваров преследовал цель – поставить российское просвещение на уровень европейской образованности, но на «русских началах», дать «перевес отечественному воспитанию над иноземным». По его инициативе в 1833 г. было издано постановление "О мерах против умножения частных пансионатов и учебных заведений". Они могли заводиться лишь в виде исключения и всякий раз с разрешения министра народного образования. "Содержателями" и преподавателями этих учебных заведений могли быть исключительно русские подданные. В 1835 г. для наблюдения за частными училищами была создана особая инспекция. Вместе с тем к 1842 г. были открыты 42 "благородных пансионата" – специально для детей дворян и на содержании самого дворянства.

Реформы затронули и высшую школу. 26 июля 1835 г. был издан "Общий устав императорских российских университетов". Он преследовал цель "сблизить наши университеты с коренными и спасительными началами русского управления" и ввести в университетах "порядок военной службы и вообще строгое наблюдение установленных форм, чиновничества и точность в исполнении самонаименованных постановлений".

Если до этого университеты были центрами учебных округов и тем самым оказывали влияние на постановку низшего и среднего образования в округе, то теперь они сами попали в полную зависимость от попечителя учебного округа. В Киевском, Харьковском и Виленских учебных округах (как наиболее "беспокойных") управление ими было передано генерал-губернаторам.

Устав 1835 г. существенно ограничил автономию университетов. Хотя за университетским Советом и сохранялось право выбора ректора и замещения вакантных профессорских мест на кафедрах, но оно фактически сводилось на нет правом министра народного просвещения не утверждать избранных лиц и назначать других из числа своих

Жихарев С.Б.

кандидатов, чем министр широко и пользовался. Избранный Советом университета ректор вступал в должность лишь после утверждения его императором. Помощником ректора и вторым административным лицом в университете стал назначаемый попечителем учебного округа из военных или гражданских чиновников инспектор. Ранее он избирался Советом из среды университетской профессуры.

Университет стал рассматриваться уже не столько как научный центр, а в первую очередь как учебное заведение, перед которым была поставлена задача готовить преподавателей гимназий и чиновников для государственной службы. Профессоров призывали стать «достойным орудием правительства». От студентов теперь ждали «успехов, благонравия, скромности и покорности к начальникам». Упразднился университетский суд, разрешавший внутренние университетские проблемы. Устанавливался строгий надзор за студентами, для чего вводились назначаемые попечителем учебного округа должности помощников инспектора, исполнявшие полицейские функции в университете. Однако самой полиции по-прежнему запрещалось появляться в университетах.

Университетский устав 1835 г. имел и некоторые положительные стороны. Восстанавливалось упраздненное в 1821 г. преподавание философии; в Московском университете важное место заняли исторические дисциплины и преподавание российского законодательства; в Петербургском – преподавание восточных языков и истории стран Востока; в Казанском приоритетное место получило преподавание физико-математических наук. Срок обучения в университетах был увеличен с трех до четырех лет. Кафедры стали замещаться преимущественно российскими учеными (ранее многих профессоров приглашали из-за границы). Для выпускников, оставленных при университетах "для подготовки к профессорскому званию", предусматривались за казенный счет обязательные двухгодичные зарубежные стажировки (преимущественно в германские университеты). Благодаря стажировкам появилась целая плеяда талантливых русских ученых среди которых стоит особо выделить Грановского, Редкина, Крюкова, Буслаева (в Москве), Меера (в Казани), Неволлина, Куторги (в Петербурге). В Московском университете этому способствовал попечитель граф С.Г. Строганов, который, будучи образованным человеком, заботился об улучшении профессорского состава. При университетах были введены подготовительные курсы богословия, математики, истории, словесности, древних и новых языков, естественных наук, призванные восполнить недостатки среднего образования для поступи тощих в университеты. Было поднято значение университетского образования, ученых степеней и званий. Окончившие университет получали звание "действительного студента" и чин 12-го класса по Табели о рангах, а окончившие его с отличием – "кандидата" и чин 10-го класса; имевшим ученую степень магистра присваивался чин 9-го класса, а доктора наук – 8-го. Лицам с университетским образованием очередные чины присваивались в полтора раза быстрее, чем не имевшим его.

После подавления польского восстания 1830–1831 гг. правительство закрыло Варшавский и Виленский университеты, превратившиеся в очаги польского национализма. В 1834 г. в Киеве открылся Университет Св. Владимира, где могли получить образование и поляки. Для чтения лекций туда приглашали польских профессоров. Выпускники Киевского университета должны были стать проводниками русского влияния в Царстве Польском и Западном крае.

Развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства требовало людей, обладавших специальными знаниями. Правительство нуждалось в образованных кадрах для аппарата управления, специалистах в различных отраслях народного хозяйства. В связи с этим учреждается ряд специальных учебных заведений. В 1828 г. в Петербурге был открыт Технологический институт, в 1830 г. – Архитектурное училище, а в 1832 г. – Училище гражданских инженеров (в 1842 г. оба эти училища были объединены в Строительное училище). В 1835 г. в Москве был основан Межевой институт. В том же

Жихарев С.Б.

году по инициативе М.М. Сперанского в Петербурге учреждено Императорское училище правоведения, превратившееся в высшее юридическое учебное заведение, из которого впоследствии вышли многие знаменитые русские юристы. В 1842 г. в Беларуси было создано Горы-горецкое земледельческое училище, преобразованное в 1848 г. в Земледельческий институт. В университетах расширяются или вновь создаются медицинские факультеты, готовившие кадры главным образом для нужд военных госпиталей. В Петербурге был возобновлен Главный педагогический институт для подготовки преподавателей средних учебных заведений. Расширилось военное образование: была учреждена Военно-морская академия в Петербурге, открыты новые кадетские корпуса.

Характерно, что дворяне, предпочитая военную службу как наиболее престижную, стремились отдавать своих детей в закрытые военные учебные заведения, поэтому даже в Московском университете дворяне составляли в то время не более трети студентов.

После восстания декабристов недоверие правительства к печати резко усилилось. Первоначально власть избрала самый простой путь борьбы с прессой – ужесточения цензурных правил и ограничений. В этом духе и был составлен новый цензурный устав, утвержденный царем 10 июня 1826 г. В кругах литераторов он был прозван «чугунным». Еще в 1824 г. по поручению тогдашнего министра народного просвещения Л.С. Шишкова проект этого устава был разработан его помощником М.Л. Магницким, но в то время его не решились ввести в действие. Учреждался Главный цензурный комитет, входивший в структуру Министерства народного просвещения. Он координировал деятельность цензурных комитетов, учрежденных в Петербурге, Москве, Вильне и Дерпте. По уставу 1826 г. цензоры обязывались "дать полезное или по крайней мере безвредное согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства" направление печати: запрещать "всякое произведение словесности, не только возмутительное против правительства и постановленных от него властей, но и ослабляющее должное к ним почтение", а также "порицающее прямо или косвенно монархический образ правления", содержащее "всякие предположения о преобразованиях каких-либо частей государственного управления". На цензуру возлагалась обязанность следить не только за политическим направлением печати, но даже за литературными вкусами, "ибо разврат нравов приуготовляется развратом вкусов".

Это был тяжелый удар по печати. "Литераторы в отчаянии", – доносили агенты III отделения. Николай I дал согласие на разработку нового цензурного устава, который был обнародован 22 апреля 1828 г. Теперь цензорам запрещалось "входить в разбор справедливости или несправедливости частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим цензурным правилам", предписывалось "не позволять себе произвольного толкования смысла речи в дурную сторону", не придирается "к словам и отдельным выражениям".

Главное управление цензурой по-прежнему оставалось в ведении министра народного просвещения, а местными комитетами цензуры ведали попечители учебных округов. Был создан Комитет иностранной цензуры для контроля за привозимой из-за рубежа литературы. Право самостоятельной цензуры получили некоторые министерства, Синод, Императорская Академия наук и университеты. Последовало негласное правило: "всякий сочинитель", чье произведение было запрещено цензурой, попадал под полицейский надзор.

Поставленный во главе цензурного ведомства С.С. Уваров понимал неэффективность чисто запретительных мер и требовал от цензоров гибкости: "Действуйте так, чтобы публика не имела повода думать, будто правительство угнетает просвещение".

Наибольшее беспокойство правительства вызывали периодическая печать и массовая литература. Журналистика при Николае I переживала нелегкие времена. Каждый новый журнал мог быть основан только с личного разрешения императора, а издатель его должен был представить подробную программу содержания и направления журнала. Если она не

Жихарев С.Б.

вызывала сомнения, то накладывалась царская резолюция: "Согласен, но со строгим должным надзором". В случае публикации статей, вызвавших подозрение властей, следовал немедленный запрет периодического издания. Так, в 1831 г. было прекращено издание "Литературной газеты" А.А. Дельвига, в 1832 г. – журнала "Европеец" П.В. Киреевского, а в 1836 г. был запрещен "Телескоп" Н.М. Надеждина. Николай I усмотрел в статьях и критических рецензиях этих журналов пропаганду революционных и конституционных идей и нападки на произведения, проповедовавшие "официальную народность".

В 1837 г. была установлена параллельная цензура, т.е. проверка произведений, уже прошедших цензуру. Теперь взысканиям стали подвергаться и цензоры за "недосмотр". Их сажали за это на гауптвахту, отрешали от должности, в крайних случаях им грозила ссылка. И все же, несмотря на цензурные строгости, в 1830–1840-е годы были опубликованы "Ревизор" и "Мертвые души" Н.В. Гоголя, повести А.И. Герцена "Доктор Крупов" и "Кто виноват?", его философские трактаты материалистического содержания, критические статьи В.Г. Белинского.

4. Аграрно-крестьянский вопрос. Попытки его решения в высших правительственных кругах.

В правительственной политике второй четверти XIX в. одним из острейших был крестьянский вопрос. Само крестьянство постоянно "напоминало" о себе возрастающими бунтами. Если в первой четверти XIX в. зафиксировано 1034 крестьянских выступления, то во второй – 1904. Для прекращения волнений чаще стали использоваться военные команды. В центральных губерниях России в 1800–1860 гг. в крестьянских волнениях участвовало ежегодно 0,3% помещичьих крестьян. Разумеется, количество выступлений в данном случае – показатель относительный. Методика подсчета крестьянских протестов до сих пор еще не доработана. Здесь приплюсовываются одно к другому все выступления крестьян, самые различные по характеру, и многотысячные волнения, и чуть ли не индивидуальные отказы от барщины. Но представление о динамике крестьянской борьбы, ее нарастании даже эта несовершенная статистика все же дает. Не смотря на то, что положение в деревне было далеко от всероссийского бунта, тем не менее, психологическое воздействие крестьянских выступлений было ощутимым и пробуждало у властей, в дворянской среде страх перед новой пугачевщиной. Значительных размеров достигло бегство крепостных крестьян от помещиков. В 1827–1846 гг. за бродяжничество было сослано в Сибирь 48,6 тыс. человек.

В первой половине XIX в. крестьяне, как правило, не выступали против крепостного права как такового. Понятие о воле, которое сложилось у них к началу XIX в., связывалось с переходом в казенное, реже – удельное ведомство, т. е. с освобождением от «своего» помещика. Во второй четверти XIX в. в психологии крепостных идея освобождения от крепостной зависимости путем перехода из разряда помещичьих в разряд государственных крестьян становится ведущей. Это, как правило, был предел их мечтаний, на помещичьи земли они не претендовали.

Крестьянское движение в России было основано на слухах и толках о «воле». Зачастую поводом для массовых выступлений служило неверное истолкование крестьянами законодательных актов правительства, конкретных действий администрации или даже частных лиц (помещиков). 12 мая 1826 г., в связи с многочисленными крестьянскими волнениями, сопровождавшимися упорными слухами о близкой "воле", был обнародован царский манифест грозивший наказаниями за распространение этих слухов и неповиновение.

Другим характерным для XIX в. изменением в массовом сознании крестьян явилось постепенное исчезновение самозванства. Но отголоски этого явления еще прослеживаются в появлении самозванцев «нецарского» происхождения (царских

Жихарев С.Б.

адъютантов, генералов, чиновников), якобы посланных царем разведать о жизни народа и «отобрать» крестьян у господ, а также в подложных «царских грамотах», «указах» и т. д.

Правительство Николая I столкнулось и с такой проблемой, как распространение народной социальной утопии. Она развивалась под религиозными покровами, но имела острое светское содержание. Молокане, бегуны, духоборы, старообрядцы не признавали установленных социальных границ, чиновничества и в целом государственного устройства, основанного на неравенстве. Сектанты к тому же помогали крестьянам выкупиться на волю, собрать капитал для открытия своего дела. Начало XIX в. в России ознаменовалось организацией коммуны молокан С. Капустина). Затем возникли крестьянские общественные ассоциации Л. Яковлева, И. Петрова, Н. Попова, И. Григорьева и многие другие. Эти ассоциации и коммуны сами по себе являлись демонстрацией крестьянского общественного идеала, но их лидеры создавали еще и свои проекты справедливого переустройства общества. Не стоит преувеличивать значение и масштабы распространения народной социальной утопии, однако она свидетельствовала о начале пробуждения крестьянства.

Реальной опасности крестьянское движение во второй четверти XIX в. не представляло, но ежегодные отчеты III отделения фиксировали широкое распространение среди крестьян слухов о грядущем освобождении. Доклады А.Х. Бенкендорфа пестрели предупреждениями: «...весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению», «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».

Николай I в принципе отрицательно относился к крепостному праву, видел его неприглядные стороны и считал социально опасным. Как-то раз, указав своим ближним на собранные в кабинете материалы о крестьянах, записки и проекты разных лиц по крестьянскому вопросу, он сказал, что "намерен начать процесс против крепостного права". Понимая необходимость отмены крепостного права, он тем не менее указывал на несвоевременность проведения этой меры о данный момент, "Нет сомнения, – заявил он в Государственном совете 20 марта 1842 г., – что крепостное право в нынешнем его положении есть зло, для всех ощутительное, но прикасаться к нему теперь было бы еще более губительным, и всякий помысел о даровании свободы крепостным людям был бы преступным посягательством на спокойствие государства". Здесь им было четко заявлено понимание как необходимости, так и опасности освобождения крестьян. Опасность он видел в том, что упразднение власти помещиков над крестьянами неизбежно затронет и самодержавие, опиравшееся на эту власть. Характерны высказывания царя о помещиках как о своих "ста тысячах полицмейстерах", охранявших "порядок" в деревне. Правительство также опасалось, что отмена крепостного права не пройдет мирно и неизбежно будет сопровождаться народными волнениями. Поэтому проводимые меры в крестьянском вопросе носили паллиативный характер: они были направлены на отмену наиболее одиозных и вопиющих сторон крепостничества и преследовали цель снять остроту социальных отношений в деревне.

В царствование Николая I было издано в общей сложности более 100 законодательных актов по крестьянскому вопросу. Был издан ряд законов, направленных против обезземеливания крестьян. Так, по указу 1827 г. помещикам запрещалось продавать крестьян без земли или одну землю без крестьян. Изданный в том же году указ запрещал отдавать крепостных крестьян на заводы. Указ 2 мая 1833 г. запрещал продавать крепостных с публичного торга "с раздроблением семейств", "удовлетворять казенные и частные долги", расплачиваясь за них крепостными с отрывом их от земли, а также переводить крестьян в дворовые, отбирая у них надель. В 1841 г. было запрещено дворянам, не имевшим имений, покупать крестьян без земли.

В число мер, направленных на некоторое смягчение крепостного права, входили: указ 1828 г., ограничивавший право помещиков ссылать крестьян в Сибирь по своему усмотрению, предоставление указом 12 июня 1844 г. помещикам права отпускать дворовых на волю по обоюдному с ними договору, указ 1853 г. запрещал сдавать в аренду

помещичьи населенные имения недворянам. Все эти указы в виду их необязательности для помещиков находили весьма ограниченное применение. Предпринимались и попытки более общего подхода к решению проблемы крепостного права, для чего создавались специальные секретные комитеты. Всего в царствование Николая I было образовано 9 таких комитетов. Не доверяя общественному мнению, правительство боялось открыто заявить о своих намерениях по этому весьма острому вопросу, рассматривая его келейно, чисто бюрократически. Членов секретных комитетов также обязывали давать подписки о неразглашении сведений об их занятиях. Правительство опасалось не только возбуждения крестьян, но и нежелательной реакции "справа" – со стороны наиболее крепостнической части помещиков, болезненно воспринимавших любые меры правительства, даже в малейшей степени затрагивавшие их интересы.

Определенное значение к подходу решения крестьянского вопроса из числа секретных комитетов имели два – комитеты 1835 и 1839 гг. "Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий" 1835 г. поставил перед собой широкую, но весьма осторожно сформулированную задачу – постепенного перевода крестьян "от состояния крепостного до состояния свободного". Было намечено три этапа этого процесса: на первом предполагалось ограничить работу крестьян па помещика тремя днями в неделю (т.е. провозглашенное законом Павла I правило о трехдневной барщине из рекомендательного должно было стать обязательным); на втором этапе крестьяне оставались "крепкими земле", но их повинности четко регламентировались законом; на третьем этапе крестьяне получали право свободного перехода от одного владельца к другому, надельная земля продолжала считаться собственностью помещика, но крестьяне могли арендовать ее по договоренности с ним на определенных условиях. Какого-либо срока завершения этого безземельного освобождения крестьян комитет не устанавливал. Однако даже это предложение не вышло за рамки его обсуждения.

Новая попытка общего решения крестьянского вопроса была предпринята в секретном комитете 1839 г., в котором большую роль играл ранее близкий декабристам видный государственный деятель, сторонник умеренных реформ П.Д. Киселев. Он считал возможным решить крестьянский вопрос путем правительственной регламентации отношений между крестьянами и помещиками. Стремясь сохранить дворянское землевладение и вместе с тем считая невозможным освобождение крестьян без земли, Киселев предложил, чтобы помещики при освобождении крепостных на волю предоставляли им наделы за выкуп или за строго фиксированные повинности.

Итогом занятий секретного комитета 1839 г. явилось издание указа 2 апреля 1842 г. об "обязанных крестьянах". Он был призван "исправить вредное начало" указа 1803 г. о вольных хлебопашцах – отчуждение части земельной собственности помещиков (надельной крестьянской земли) в пользу крестьян. Николай I исходил из незыблемости помещичьего землевладения. Он рассматривал земельную собственность помещиков "навсегда неприкосновенной в руках дворянства" и как гарантию "будущего спокойствия". Поэтому в указе 2 апреля 1842 г. было прямо сказано: "Вся без исключения земля принадлежит помещику; это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может".

По этому указу крестьянин по воле помещика получал свободу и надел, но не в собственность, а в пользование, за который был обязан (отсюда и название "обязанный крестьянин") выполнять по соглашению с помещиком по сути дела те же феодальные повинности (барщину или оброк), но с условием, что помещик впредь не мог изменять ни виды, ни размеры этих повинностей. Предоставленный в пользование крестьянина надел помещик не мог уже ни отнять у него, ни обменять или уменьшить. Никаких определенных норм наделов и повинностей закон не устанавливал – все зависело от воли помещика. В селениях "обязанных крестьян" вводилось выборное "сельское самоуправление", однако сохранялась вотчинная власть помещика в имении. В целом указ 1842 г. носил рекомендательный для поместного дворянства характер, нормы надела и

повинности крестьян всецело зависели от помещика. Практическое значение указа невелико – до реформы 1861 г. было освобождено немногим более 27 тыс. крепостных крестьян в семи помещичьих имениях.

Еще меньшее применение имел указ 8 ноября 1847 г. о праве крестьян помещичьих имений, продававшихся с публичных торгов за неуплату казенных или частных долгов владельца имения, выкупаться на волю. Согласно указу, крестьяне обязаны были внести выкуп в течение 30 дней со времени объявления о продаже имения. Размер выкупа определялся последней на торгах ценой, при этом крестьяне должны были внести всю выкупную сумму сразу без помощи от казны. Выкупленная земля предоставлялась в собственность всей общине, а не отдельному крестьянскому двору. Выкупившиеся на волю крестьяне поступали к разряд государственных и несли наравне с ними все подати и повинности, за исключением оброка за землю (который платили государственные крестьяне за свои наделы). Поэтому такие крестьяне получали название "безоброчных".

Характерно, что, несмотря на стеснительные условия выкупа, от многих крестьянских общин, к удивлению правительства, стали поступать заявления о предоставлении им возможности выкупиться на волю на основании указа 8 ноября 1847 г. За короткое время таких ходатайств поступило 266 – главным образом от крупных оброчных и промысловых селений, в которых у промышлявших крестьян были наличные денежные средства для выкупа и где крестьяне особенно остро воспринимали крепостную неволю, стеснявшую их промысловую деятельность. Поскольку к этому времени почти половина помещичьих имений была заложена и многие их владельцы не могли рассчитаться с долгами, то продажа имений с торгов была нередким явлением. Помещики забились тревогой. Летом 1848 г. очередной секретный комитет рассматривал вопрос об изменениях в Указе от 8 ноября 1847 г. Причиной пересмотра явилось недовольство этим указом многих помещиков, опасавшихся, что крестьяне, желая освободиться, перестанут выполнять повинности, чтобы довести имение до разорения и тем обречь его на продажу. Приводились и более веские аргументы. В адресованном императору письме неизвестного «О возмутительных началах, развивающихся в России» (октябрь 1848 г.) говорилось, что указ взбудоражил крестьян, породил среди них слухи о том, будто за единовременный денежный взнос можно навсегда освободиться от оброка и получить в собственность «леса, угодья и жилище их владельцев». Совещаясь между собой по этому поводу, подчеркивалось в письме, крестьяне приучаются к заговорам и получают «уроки коммунизма: о выгодах уничтожения власти и разделения их богатств». Автор предупреждал, что помещичьей власти грозит смертельная опасность, способная поколебать престол и империю. Правительство пошло помещикам навстречу: формально не отменяя указа, оно так изменило его различными "разъяснениями" и "дополнениями", что практически свело его на нет. Всего этим указом могли воспользоваться и выкупиться на волю лишь 964 души муж. пола крестьян.

3 марта 1848 г. был издан закон, предоставлявший помещичьим крестьянам право покупать землю (до этого они ее покупали на имя своего помещика). Однако и этот закон был оставлен рядом стеснительных для крестьян условий. Крестьянин мог купить землю только с согласия помещика, о чем он его заранее должен был известить. Но и приобретенная таким путем крестьянином земля законом не была защищена. Помещик мог безнаказанно завладеть ею, ибо закон запрещал крестьянам возбуждать против своего владельца иск.

Решительнее правительство действовало там, где его меры по крестьянскому вопросу не затрагивали интересов русского дворянства, а именно – в западных губерниях (в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине), и где помещиками были преимущественно ополяченные дворяне. Здесь правительство стремилось ослабить влияние польских помещиков и вместе с тем предотвратить процесс обезземеливания ими крестьян. В 1830-х годах была проведена конфискация имений у тех польских помещиков, которые

участвовали в восстании 1830–1831 гг. Крестьяне этих имений были переведены в разряд государственных.

В 1844 г. был образован Комитет западных губерний для выработки "Правил для управления имениями по утвержденным для оных инвентарям". Были составлены инвентари – описания помещичьих имений с точной фиксацией крестьянских наделов и общего для всех имений количества барщинных дней, которые впредь нельзя было изменять. Инвентарная реформа была проведена в 1847–1848 гг. в губерниях Правобережной Украины (Волынской, Киевской и Подольской), в 1852–1855 гг. – в белорусских губерниях (Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской). Инвентарная реформа вызвала недовольство помещиков, выступавших против правительственной регламентации их владельческих прав, а также многочисленные волнения крестьян, положение которых она практически не улучшила.

Гораздо большее значение имела реформа в государственной деревне, проведенная в 1837–1841 гг. Как уже упоминалось, в апреле 1835 г. было создано V отделение императорской канцелярии специально для разработки проекта реформы государственной деревни. Во главе его был назначен П.Д. Киселев, которого Николай I называл своим "начальником штаба по крестьянской части".

Летом 1836 г. была проведена ревизия положения государственной деревни в пяти губерниях, представлявших различные в экономическом отношении регионы. На основе данных этой ревизии Киселев представил Николаю I обстоятельный доклад, в котором наметил основные направления реформы. В соответствии с этим планом государственная деревня была изъята из ведения Министерства финансов и передана в учрежденное 26 декабря 1837 г. Министерство государственных имуществ, во главе которого был поставлен П.Д. Киселев. В 1838–1841 гг. последовала серия законодательных актов о введении нового управления государственной деревней, о землеустройстве крестьян, упорядочении податной системы, организации начального образования, медицинской и ветеринарной помощи.

На местах создавалась четырехступенчатая система управления: губерния – округ – волость – сельское общество. В каждой губернии учреждалась Палата государственных имуществ. В округ входили один или два уезда, в зависимости от численности в них государственных крестьян. Во главе округа был поставлен окружной начальник. Округа подразделялись на волости из расчета около 6 тыс. душ муж. пола в каждой. Волости в свою очередь делились на сельские общества примерно по 1500 душ муж. пола в каждом. Сельское общество состояло из одного или нескольких селений. Вводилось выборное сельское и волостное самоуправление. Из домохозяев от каждых 5 дворов составлялся сельский сход, который избирал сроком на 3 года сельского старшину, а для исполнения полицейских функций – сотских и десятских. Волостной сход состоял из домохозяев от каждых 20 дворов. Он избирал сроком на 3 года волостное правление в составе волостного головы и двух "заседателей" – по хозяйственной и полицейской части. Для разбора мелких тяжб и проступков крестьян избирались сельские и волостные суды ("расправы"). Они состояли из судьи и нескольких "добросовестных" (заседателей). Впоследствии опыт административного устройства в государственной деревне был использован при формировании сельского самоуправления во время проведения реформы в помещичьей и удельной деревне.

Реформа Киселева государственной деревни сохраняла общинное землепользование с периодическими переделами земли внутри общины. Была реорганизована оброчная повинность. Хотя оброк по-прежнему раскладывался "по душам" (муж. пола), но размеры его определялись с учетом доходности крестьянского надела. Для уравнивания оброчных платежей в соответствии с доходностью земли был проведен земельный кадастр (межевание земель с их оценкой). Для устранения малоземелья предусматривалось наделение крестьян землей из государственного резерва, а также переселение их в малонаселенные губернии. 200 тыс. безземельных крестьян получили 1,5 млн. земли, 231

Жихарев С.Б.

тыс. были переселены в другие губернии с предоставлением им 2,5 млн. десятин земли. Кроме того, малоземельным крестьянам было прирезано до 3,4 млн. десятин. В крупных селениях были созданы кассы мелкого кредита, из которых нуждающимся крестьянам выдавались ссуды на льготных условиях. Для решения продовольственного вопроса расширялась "общественная запашка", которая призвана была создать необходимый страховой резерв. На случай неурожая устраивались запасы зерна ("запасные хлебные магазины"). На селе заводились школы (таковых к 1857 г. было заведено 26 тыс., в них насчитывалось 110 тыс. учащихся), медицинские и ветеринарные пункты. Создавались "образцовые" государственные "фермы" для пропаганды среди крестьян новейших приемов земледелия.

В государственной деревне западных губерний была ликвидирована барщина и отменена практика сдачи казенных селений арендаторам. В 1847 г. Министерству государственных имуществ было предоставлено право покупать за счет казны дворянские населенные имения. Было куплено в казну 55 тыс. душ крепостных 178 помещичьих имений.

Реформа 1837–1841 гг. в государственной деревне носила противоречивый характер. С одной стороны, она приблизила положение государственных крестьян к состоянию «свободных сельских обывателей», несколько смягчила земельную "тесноту", способствовала развитию производительных сил. Но, с другой стороны, расширила дорогостоящий бюрократический аппарат управления, создала мелочную чиновничью опеку над крестьянами и усилила податной гнет, что вызвало выступления государственных крестьян в 1841–1843 гг. Волнения происходили в 28 губерниях, общее число их участников превосходило 500 тыс. человек. Наибольший размах волнения приобрели в Приуралье и в Поволжье, где крестьяне в большей степени почувствовали усиление административного и податного гнета. В Пермской, Оренбургской, Казанской и Тамбовской губерниях произошли вооруженные столкновения крестьян с карательными войсками.

5. Экономическая политика и финансово-бюджетная система России.

В сфере экономической политики самодержавие было более последовательным и шло значительно дальше, нежели в вопросах идеологии и социальной политики. Николай I понимал необходимость ускорения промышленного развития страны: без мощной индустрии Россия неизбежно потеряла бы статус великой державы и превратилась бы в объект для экспансии западноевропейских стран. Мощная промышленность и развитая торговля способствовали укреплению армии и флота, служили источником для пополнения казны. Самодержавие стремилось использовать в своих интересах развивавшиеся в стране капиталистические отношения. Отсюда покровительство промышленности, учреждению банков, строительству железных дорог, основанию специальных технических учебных заведений, поощрение деятельности сельскохозяйственных и промышленных обществ, организация выставок и т. д.

В 1828 г. при Министерстве финансов был учрежден Мануфактурный совет с участием заводчиков и фабрикантов. Он должен был изучать состояние промышленности в России, снабжать предпринимателей необходимой информацией и оказывать им иные виды содействия.

С 1829 г. в России стали регулярно проводиться промышленные выставки для пропаганды новых технических достижений. До 1861 г. было проведено 12 таких выставок. По их примеру проводились и сельскохозяйственные выставки.

Военные расходы и затраты на растущий бюрократический аппарат требовали новых источников денежных поступлений, поэтому принимались поощрительные меры для предпринимателей, издавались покровительственные тарифы. Возглавлявший с 1823 по 1844 г. Министерство финансов уроженец Германии Е.Ф. Канкрин провел ряд довольно успешных мер по укреплению расстроенной в предыдущее царствование

Жихарев С.Б.

финансовой системы страны. Еще за десять лет до назначения Канкрин главой финансового ведомства, в 1813 г., М.М. Сперанский говорил: «Нет у нас во всем государстве человека, способнее Канкрин быть министром финансов».

Когда Е.Ф. Канкрин занял пост министра, положение в области финансов было тяжелым. У Канкрин были свои взгляды на пути преодоления кризиса. Он не считал нужным выкупать ассигнации, заключая займы или экономя средства из бюджета. По его мнению, изъятие ассигнаций нужно было отложить до тех пор, пока не будет накоплен достаточный фонд серебряных монет. До этого же следовало прекратить новые выпуски, закрепив тем самым стоимость уже циркулирующих бумажных денег. Этот план Канкрин выполнил с удивительным умением: за все его управление не было выпущено ни одного ассигнационного рубля, стоимость же бумажного рубля держалась в пределах 25–27 коп. серебром.

Основные усилия Канкрин направил на борьбу с дефицитом бюджета и на создание денежных резервов. В результате он сократил бюджет военного министерства более чем на 20 млн. руб., бюджет министерства финансов – на 24 млн. руб. В целом он сумел за четыре года управления сократить расходы и скопить капитал в 160 млн. руб. ассигнациями.

Стремясь выполнить бюджет без дефицита и создать денежные запасы, Канкрин применял некоторые экономические меры, которые и сам в принципе не одобрял. Так, в 1827 г. он ввел откупную систему в винную торговлю, взамен казенного управления, сопровождавшегося большими расходами казны и злоупотреблениями чиновников. В результате доходы от продажи вина возросли с 79 до 110 млн. рублей. Другой мерой, осуществленной Министерством финансов в 1822 г., было повышение ввозных таможенных пошлин, в результате чего доходы казны возросли с 31 до 81 млн. рублей. Большое внимание глава финансового ведомства уделял горнодобывающей промышленности, доходы которой увеличились с 8 до 19 млн. руб., а добыча золота возросла с 25 до 1 тыс. пудов.

Годы, когда Канкрин управлял финансами, были отягощены многими чрезвычайными расходами. Так, в 1827–1829 гг. требовались расходы на персидскую и турецкую войны, в 1831 г. – для подавления восстания в Польше; в 1830 г. в стране свирепствовала холера, в 1833 г. – вызванный неурожаем голод. Особенно тяготили Канкрин военные расходы. Он как-то сказал: «Мои труды пропадут, все мною накопленное поглотят казармы, крепости и пр.». Действительно, даже в «мирном» 1838 году на армию и флот ушло 45% бюджета.

Потребности растущей промышленности подчас толкали правительство на принятие мер, непопулярных в глазах дворянства. В 1835 г. был издан закон о договоре найма. Отныне помещикам запрещалось отзывать своих крепостных, ушедших в город на заработки, ранее окончания срока их договора с фабрикантом.

Важной экономической мерой явилась проведенная Канкриним в 1839–1843 гг. денежная реформа. До этого в России шел двойной денежный счет – на ассигнационные рубли и рубли серебром, при этом курс ассигнаций подвергался постоянным колебаниям. С 1839 г. вводился твердый кредитный рубль, приравненный к 1 руб. серебром и обеспеченный золотой и серебряной монетой. Для этого в течение последующих четырех лет был создан необходимый запас в золоте и серебре путем скупки золотой и серебряной монеты, а также слитков драгоценных металлов. Манифестом 1 июня 1843 г. было объявлено начало обмена всех находившихся в обращении ассигнаций на государственные кредитные билеты из расчета 1 кредитный рубль за 3 руб. 50 коп. ассигнациями. К 1851 г. обмен был завершен. Всего было обменено около 600 млн. ассигнационных рублей на 170 млн. кредитных.

Созданная Канкриним финансовая система на 15 лет укрепила денежную систему России. Затем она была разрушена громадными расходами Крымской войны. В последующие десятилетия возникла тенденция критически оценивать деятельность

Жихарев С.Б.

Канкрин. Сторонники свободной торговли ставили ему в упрек протекционизм, борцы за нравственность – введение винных откупов, пропагандисты технического прогресса – сопротивление строительству железных дорог, на которые он действительно не хотел давать денег, опасаясь, что новые непомерные расходы вредно отзовутся на финансах страны.

Под давлением крупнопоместного дворянства, недовольного жестким протекционизмом Канкрин, Николай I поручил его преемнику на посту министра финансов Ф.П. Вронченко пересмотреть ставки таможенных пошлин. Новый тариф был утвержден в 1850 г. И хотя общее снижение пошлин оказалось незначительным, таможенный сбор за ввоз промышленного сырья уменьшился в среднем вдвое. Новая тарифная система вызвала раздражение русских фабрикантов, но зато стимулировала повышение конкурентоспособности русских товаров.

Несмотря на то что российская экономика продолжала на протяжении первой половины XIX в. развиваться поступательно, начало увеличиваться (в особенности с 1830-х гг.) ее отставание от экономик раннеиндустриальных стран (Англия, Бельгия, Франция, Швейцария), обеспечивших стремительный экономический рост под влиянием промышленного переворота. По данным С. Полларда, к 1860 г. валовой национальный продукт на душу населения составлял в России лишь около 180 долларов, против 454 долларов в развитых капиталистических странах Западной Европы. Меры бюджетной экономии, усиление налогового пресса, контроль за денежным обращением в России, поддержание покровительственных таможенных пошлин – этим ограничивалась вся система мер, которые могло предложить правительство. Подобный курс был рассчитан на поддержание стабильности в экономике, но не мог обеспечить форсированного промышленного рывка и вывести Россию на качественно новый уровень. Поражение России в Крымской войне, продемонстрировавшее растущее отставание страны от передовых держав, подтолкнуло правительство к активизации модернизационной политики, которая нашла выражение в комплексе реформ (так называемые Великие реформы 1860–1870-х гг.).

6. Политический курс Николая I в период “мрачного семилетия”.

Усиление реакции и полицейского террора.

Под знаком революционной угрозы прошло все царствование Николая I. Его вступление на престол в конце 1825 г. ознаменовалось восстанием декабристов. В 1830 г. прогремела революция во Франции, разразилось Польское восстание. В 1848–1849 гг. опасность оказалась особенно велика: революция охватила Францию, Италию, Австрийскую империю. В некоторых странах она сопровождалась падением феодальных монархий и установлением республиканского строя. 14 марта 1848 г. Николай I подписал весьма реакционный манифест, в котором содержались открытые угрозы в адрес западноевропейской “революционной крамолы”. Текст документа завершался проникнутым религиозной экзальтацией призывом: “С нами Бог! Разумейте языци и покоряйтесь, яко с нами Бог!”

В самой России поднялась новая волна народного недовольства, усугубляемая стихийными бедствиями – эпидемией холеры, неурожаем и голодом, охватившими десятки губерний. В 1848 г. в стране было зафиксировано свыше 160 крестьянских бунтов. Были отмечены и акты революционного протеста. В Прибалтике, Литве и на Украине распространялись прокламации, призывавшие к свержению царизма. Николай I усматривал в этом влияние западноевропейских революционных потрясений и поставил своей задачей суровыми репрессивными мерами предотвратить вероятность развития подобных же событий и в России. В частности, в Царство Польское были направлены усиленные контингенты войск. Запретили въезд в Россию французам, а затем и остальным европейцам. Выезд за границу был предельно ограничен. Россиян, находившихся за рубежом, срочно вызвали обратно. Отказавшихся вернуться (в том числе А.И. Герцена)

Жихарев С.Б.

объявили изгнанниками с конфискацией их имений. Начальству предоставлялось право без объяснения причин и принятия жалоб увольнять подчиненных им чиновников, признанных "неблагонадежными".

1848–1855 гг. ознаменованы дальнейшим усилением реакционного политического курса самодержавия. Оно проявилось в первую очередь в ужесточении надзора за печатью и просвещением. С целью более эффективной борьбы с передовой печатью 27 февраля 1848 г. был создан "временный" *секретный комитет* под председательством А.С. Меншикова для проведения ревизии цензурного ведомства. На основании выработанных им рекомендаций 2 апреля 1848 г. был учрежден постоянный "Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений" под председательством военного историка Д.П. Бутурлина, по имени которого Комитет получил название бутурлинского. Этот Комитет рассматривал уже прошедшие предварительную цензуру вышедшие в свет издания. Его надзору подвергались все печатные издания, включая даже объявления, приглашения и извещения.

Особенно строго требовалось следить за литературой для народного чтения или хотя бы доступной «низшему классу», а также за поступлениями из-за границы. О литераторах, чьи сочинения подверглись запрещению, цензоров обязали негласно сообщать в III отделение. Редакторов предупредили о личной ответственности за «дурное направление» их журналов, «хотя бы оно выражалось косвенными намеками». Наиболее неблагонадежными меншиковский комитет признал «Современник» и «Отечественные записки».

За 1848–1854 гг. Комитет просмотрел свыше 10 тыс. книг, 9,5 тыс. литографированных изданий, многие десятки тысяч номеров газет и журналов. Тщательно просматривались учебные руководства, официальные издания, даже годовые отчеты ректоров университетов. Комитет осуществлял также тайный надзор за деятельностью органов цензурного ведомства, получив право наложения взысканий на цензоров, допустивших промахи.

Наступила пора настоящего "цензурного террора", когда подвергалась взысканиям даже такая благонамеренная газета, как "Северная пчела" Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина. М.Е. Салтыков-Щедрин был сослан в Вятку за повесть "Запутанное дело". Военный министр князь А.И. Чернышев грозился даже сослать его на Кавказ в солдаты. За неосторожную фразу в повести «Ворожейка» имел служебные неприятности В.И. Даль (несмотря на высокий чин статского советника). И.С. Тургенев за похвальный некролог о Н.В. Гоголе был в 1852 г. посажен в полицейскую часть, а затем сослан под надзор полиции в свое орловское имение. За резкие отзывы об остзейской администрации был посажен на несколько дней в Петропавловскую крепость Ю.Ф. Самарин. В марте 1853 г. И.С. Аксаков за неосторожные высказывания в издаваемом им "Московском сборнике" (органе славянофилов) был посажен под арест при III отделении, а издание сборника было запрещено. Прекратил свое существование и ряд других периодических изданий. «Цензура делается неслыханным бичом, – писал А.С. Хомяков, – просто поверить нельзя, до чего она доходит» <...> цензоры до того напуганы, что у них просто ум помутился».

Ужесточилась политика в сфере просвещения, на имя царя поступали проекты перестройки учебных заведений в охранительном духе. Комитету под председательством Д.Н. Блудова поручалось разработать меры по преобразованию учебных заведений в империи. Другой комитет во главе с И.И. Давыдовым был создан для проверки учебников. Сложившееся положение литератор А.В. Никитенко оценил как «крестовый поход против науки». «Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему», – заключал он в конце 1848 г. Научную работу, преподавание, популяризацию знаний стеснили до предела. Правительственная регламентация достигла небывалых размеров. Изучение общественных наук постарались свести к минимуму. Профессорам было приказано удалить из программ «все ненужное и лишнее».

Жихарев С.Б.

Были ликвидированы остатки университетской автономии, резко сокращен прием студентов в университеты, повышена плата за обучение, усиливался надзор за студентами и профессорами. Все лекции и программы проходили строгую проверку. Деканам вменялось в обязанность проверять у студентов записи читаемых профессорами лекций. В мае 1848 г. последовало распоряжение об ограничении числа студентов в университетах (не более 300 студентов на каждый университет).

Распространились слухи о возможном их закрытии. Слухи имели основания: Николаю I было подано несколько записок с проектами закрытия университетов, для рассмотрения этих проектов был даже создан специальный секретный комитет. Университеты оказались на краю гибели. Д.П. Бутурлин предлагал закрыть даже гимназии. Встревоженный министр народного просвещения С.С. Уваров инспирировал появление в "Современнике" статьи И.И. Давыдова в защиту университетов. Николай I не решился пойти на закрытие университетов, но Уварову сделал выговор: "Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе". Уваров вынужден был подать в отставку. Его заменил крайний ретроград и обскурант князь П.Л. Ширинский-Шихматов.

Осенью того 1849 г. царь утвердил «Инструкцию ректорам университетов и деканам факультетов, предусматривающую усиление надзора за духом и направлением преподавания». Вслед за «Инструкцией» последовало одобренное царем негласное «Наставление ректорам и деканам» гуманитарных факультетов. Особое внимание предлагалось обратить на преподавание государственного права, политической экономии, науки о финансах и «всех вообще исторических наук». Программы по этим предметам подлежали утверждению министерства. Ставилась задача оградить молодежь от «зловредных мнений» «о мнимом превосходстве республиканского или конституционного правления, об ограничении монархической самодержавной власти, о равенстве всех состояний», от знакомства с «разрушительными началами» социалистов и коммунистов. Категорически запрещались критические суждения о положении крепостных крестьян и злоупотреблениях помещиков, предположения о желательности перемен в отношениях между сословиями.

На подозрении оказались важнейшие отрасли знания. Признанные особо опасными подверглись исключению из университетских программ. Преподавание других было урезано до предела или вынужденно искажалось. С ноября 1849 г. прекратилось преподавание государственного права европейских держав. Философский факультет перестал существовать как единое целое: его разделили на историко-филологический и физико-математический. В целях «ограждения юношества от обольстительных мудрований новейших философских систем» преподавание философии в 1850 г. ограничили логикой и психологией, поручив оба предмета профессорам богословия.

Напуганное революционными событиями в Западной Европе, правительство постаралось пресечь все контакты с Западом и европейской наукой, видя корень зла в «разрушительных» идеях просветительной философии, порождавшей вольномыслие. Научные командировки и любые зарубежные поездки лицам учебного ведомства были запрещены. Университеты лишились права получать литературу из-за границы.

Попечителями учебных округов при Николае I назначались, как правило, люди, чуждые просвещения, большей частью из военной среды. "Фрунтовики воссели на всех местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки", – вспоминал об этом времени "мрачного семилетия" историк С.М. Соловьев.

Искусственно сужая круг образованных людей, затрудняя развитие научной мысли в России, самодержавие действовало вопреки жизненно важным потребностям страны, жертвуя ими ради своих охранительных целей.

Однако все эти реакционные меры не могли остановить распространения оппозиционных и демократических идей, которые особенно заявили о себе во время Крымской войны. Война явилась серьезным испытанием для николаевской политической системы, ее военной мощи, крепостной экономики. Система не выдержала этого

Жихарев С.Б.

испытания, что стало ясно уже в ходе войны даже такому видному идеологу "официальной народности" как историку М.П. Погодину, о чем он открыто заявил в своих "Историко-политических записках и письмах в продолжении Крымской войны".

Литература к лекции

Учебная

1. История России. XIX век: Учеб. для высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001. – Ч.1. – 256 с.
2. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. / А.А. Корнилов; Вступ. ст. А.А. Левандовского. – М.: Астрель, 2004. – 862 с.
3. Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие / Под ред. проф. М.Н. Чепурина. – М.: Феликс, 1998. – 432 с.

Источники

1. Федоров В.А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Первая половина XIX века. Учеб. пособие. – М., Высш. школа, 1974.
2. Хрестоматия по истории СССР: В 2-х т. / С.С. Дмитриев. М.В. Нечкина. – М.: Гос. уч.–пед. изд. Мин. Просвещ. РСФСР, 1953. – Т.2 (1682–1856). – 960с.

Исследования

1. Билихин В.Г. Реформирование земельных отношений в России в XIX–XX вв. М., 2000. – 320 с.
2. Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии. – СПб., 1894.
3. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.
4. Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения в России в XIX в. – М., 1941.
5. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.
6. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2000. – 246с.
7. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание I–II.
8. Юровский В.Е. Министр финансов Е.Ф. Канкрин // Вопросы истории. – 2000. – №1. – С. 58–69.